

НА НИВЕ ГОСПОДНЕЙ...

Жизнь и служение о. Иосифа Юзвика (1873 -- 1948)

Отец Иосиф Юзвик родился 13 марта 1873 года в деревне Подбур прихода Бялынин Варшавской архиепархии. Он был третьим ребенком Франциска и Катажины Юзвиков, у него было три сестры: Антонина, Мария и Саломия, и четверо братьев: Андрей, Павел, Генрих и Станислав. Двое из них – Андрей и Генрих в дальнейшем стали священниками и служили в Варшавской архиепархии.

Иосиф рос в Бялынине вместе с братьями и сестрами, здесь же окончил начальную школу, приступил к первому Причастию и провел всю юность. Военскую службу в царской армии он проходил под Киевом. После возвращения из армии жил с родными в Подбуре, трудился вместе с ними на своей земле. Прожитые дни тянулись чередой и складывались в годы. Иосиф ничего не говорил о своих планах, о том, как собирается жить дальше. А родители беспокоились о его будущем, потому что их большой семье к тому времени стало очень трудно жить. Генрих только что поступил в Варшавскую семинарию, и, кроме того, им надо было выплачивать долги. (Отец семейства Франциск Юзвик был казначеем в гмине (волости)). Однажды, перед недолгой отлучкой, он передал казну надежному, как всем казалось, работнику. Тот деньги забрал и исчез. Семья Юзвиков попала в долговую кабалу -- деньги надо было вернуть. Продали почти всё имущество – но несмотря на это заботы лежали на семье тяжким бременем.

В один прекрасный день Иосиф объявил, что тоже хочет стать священником. Для родных это решение было неожиданностью, потрясением! Ни о чем таком раньше никто не подозревал. Откуда вдруг такое желание? Оказалось, что о священстве Иосиф думал уже давно, не раз говорил об этом с армейским капелланом. Понемногу, постепенно вызревало его призвание. Сильнее всего повлияли на него старший брат Андрей, уже ставший священником – человек глубокой веры, благочестивый и трудолюбивый, и младший брат Генрих, который поступил в семинарию.

Родители и все родные начали отговаривать Иосифа. Объясняли, что ему уже двадцать восемь лет, что начальную школу он закончил давно, что придется пойти в гимназию, а потом начнутся годы труднейшей учебы в семинарии, и предстоят расходы, которые снова лягут на родителей. Многодетной семье Юзвиков жилось по-прежнему очень трудно. Правда, Андрей, который был старше Иосифа на шесть лет, уже работал префектом в Институте глухонемых и слепых в Варшаве, но получал немного, и его денег было недостаточно, чтобы помогать Иосифу, тем более, что Генрих был семинаристом, а Павел еще учился в школе.

Но Иосиф настаивал на своем. Решил, что пойдет учиться в гимназию, а потом поступит в семинарию. «Хорошо, если сдашь экзамены за первый год, будем тебе помогать, а если нет, то сам поймешь, что тебе не под силу, и ничего из этого не выйдет», - сказали родители. В гимназии, естественно, учились молодые ребята, способные, со свежим умом, учились легко. Иосиф же был намного старше, учеба давалась ему с трудом. К сожалению, сдать экзамены за первый год он не смог. «Видишь, – услышал он от родных, – ты убедился сам, что всё не так просто, не по возрасту тебе и не по силам, успокойся, занимайся хозяйством, нет смысла упираться!»

Иосиф понял, что может не рассчитывать на помощь родных, а только надеяться на собственные силы и Божье покровительство. И он отправился в далекий, незнакомый мир, куда все настойчивей звало его призвание. Иосиф оставил родной дом, семью, деревню, приход... и пропал на долгие годы. Никто не знал, где он, что делает и жив ли.

Иосиф же решил сам искать способ осуществить мечту стать священником. Ему

надо было зарабатывать, чтобы оплачивать жилье, учебу, книги. Сначала он поселился в окрестностях Киева, где проходил военную службу и попробовал жить там, что было нелегко. Препятствий, которые он преодолевал, становилось все больше. Иосиф и подумать раньше не мог, что бывает так трудно. Испытания были настолько тяжелы, что Иосиф уже не представлял себе никакого будущего. Не было работы, он не мог учиться, не получалось даже выжить. Возвращаться домой - далеко, да и просто не хотелось...

Единственный выход, который он тогда видел – покончить с собой. С этой мыслью он и спустился однажды к реке. Долго напряженно молился там и мучительно боролся с собой. Это было настолько заметно со стороны, что проезжавший мимо аптекарь-еврей увидел его состояние, и как добрый самарянин задержался, подошел, стал расспрашивать, предложил помощь. Иосиф рассказал о своём бедственном положении. Тогда аптекарь, недолго думая, забрал его к себе, поручил присматривать за детьми и дал работу в своей аптеке. Благодаря ему Иосиф смог не только работать, но и учиться. Несмотря на сложности с учебой, он закончил Первую Киевскую гимназию и уехал в Петербург, где была католическая Духовная семинария.

В Петербурге он как-то раз проходил мимо храма и зашел туда помолиться. В храме к нему подошел священник и заговорил с ним. Так Иосиф узнал, что на следующий день здесь будут реколлекции для клириков по случаю начала учебного года в семинарии. Священник предложил Иосифу прийти, если он захочет. Иосиф думал недолго, пришел назавтра и остался уже как семинарист.

Поначалу учёба давалась нелегко, но товарищи охотно помогали ему, и постепенно Иосиф втянулся в жизнь семинарии и со всем справлялся.

Вскоре настало время облачения и было непонятно, где взять деньги на сутану. В тайне ото всех он написал мужу своей сестры Антонины – Франциску Грухале с просьбой о помощи. Франциск прислал материи на две сутаны (потом он часто это вспоминал и гордился, что Иосиф обратился к нему). Радость Иосифа была велика. С большим волнением он пережил церемонию облачения, когда из мирянина стал духовным лицом. На улице его приветствовали уже как священника, хотя до рукоположения было еще далеко.

С особым чувством носил Иосиф сутану. Каждый день, надевая ее, молился, как и положено клирикам и священникам: «Облеки меня, Господи, в нового человека, созданного по образу Божию, в праведности и святости истины».

Потом, одну за другой, он проходил ступени посвящения, ведущие к рукоположению.

Наконец наступил долгожданный, воистину самый радостный день в жизни о. Иосифа – день рукоположения в священники. Было это 12 декабря 1910 года. Отцу Иосифу было тридцать восемь лет. Неизвестно, кто из епископов рукополагал его, в каком храме отслужил он свою Первую Мессу, и что переживал в тот миг вдали от родных. Он очень любил своих отца и мать и всех родных, но никак не мог разделить с ними это счастье, не мог возложить на их головы свои только что помазанные елеем руки и преподать им свое первое благословение. Может быть, он даже не знал, что родители уже умерли. Сейчас трудно сказать, знала ли его семья в Польше о его рукоположении.

Поскольку о. Иосиф учился в Петербурге и там же был рукоположен, он остался в России и был причислен к Могилевской архиепархии. После рукоположения его направили в Белоруссию, викарием в приход Дарёво, маленькую старую деревню в восьми километрах от Барановичей. Деревянный приходский храм во имя Успения Пресвятой Девы Марии, был построен о. Бернардом Мицевичем в 1842 году. Через Дарёво часто прокатывались войны и пролегалли границы, поэтому деревня горела почти каждые полвека.

В последние сто лет храм трижды перестраивался из-за пожаров, но если посмотреть на историю Дарёва глазами веры, то легко заметить, как Господь хранил эту землю и ее жителей. Деревня оказалась единственной в округе, где и в советское время действовала

приходская община, которая не распалась от преследований, не отошла от веры и дожидая до лучших времен.

Неизвестно, чем о. Иосиф не угодил местным царским властям, но уже через полгода работы в Дарёво, во второй половине 1911 года его послали в далекую Сибирь, на должность викария в приходы Иркутска, Якутска, Читы и Манчжурии.

Территории эти были обширны и разнородны.

Иркутск с XVIII века до 1917 года был местом ссылки, там нередко случались восстания, самое известное из них – Забайкальское восстание 1866 года. Его организовали ссылкинские поляки, строившие дорогу неподалеку от китайской границы, у озера Байкал. Повстанцы, около семисот человек, были плохо вооружены и быстро разгромлены.

Чита с 20-х годов XIX века тоже была местом ссылки поляков, боровшихся за независимость своей родины.

Огромные расстояния между приходами о. Иосиф преодолевал в повозках или санях, запряженных лошадьми, а нередко и на собачьих упряжках. Ездил от селения к селению, от города к городу, разыскивал рассеянных по тайге польских ссылкинских, крестил, исповедовал, благословлял семьи, укреплял надежду, утешал плачущих и тоскующих по отчужденному краю, укреплял Божьим словом и ехал дальше. Таким образом он провел в Сибири целых пять лет.

Сибирские воспоминания

Вот одно из событий, которое 20 мая 1934 года записал И. Ш. по рассказам о. Иосифа Юзвика. Запись была опубликована в еженедельнике "Przewodnik Katolicki" №20 за 1940 год.

Мой Иркутский приход раскинулся от китайской границы далеко на север, до Ледовитого океана -- он значительно больше обширной Якутской губернии. В этих бескрайних северных степях, в тундре и глухой тайге – в разбросанных поодиночке селениях и городках жили и тосковали по родине и святой вере наши соотечественники. В большинстве своем это были политические ссылкинские, но встречались и переселенцы, малоземельные крестьяне, которых российское правительство из политических соображений принудительно выселяло из польской глубинки в Сибирь.

Обещали им много, а давали только участки в степи, вдали от городов, или в тайге, где надо было выкорчевать деревья, чтобы возвести крепкие хозяйственные постройки.

Настоятели приходов в глубине России, а тем более в Сибири, не ждали, когда прихожане доедут до них, а сами выискивали их на беспредельных таежных просторах, куда и на лошадях не добраться, а только на оленях или собачьих упряжках.

Между тем, наши прихожане жаждали духовного утешения сильнее, чем те, кто могли его получать каждый день на родине.

Об исповеди, Святой Мессе и приобщении Святых Тайн иногда мечтали годами, прежде чем это счастье приходило к ним. Неизмеримая тоска по религиозным обрядам и поклонению Богу, которую они принесли с родины в глубь Сибири, возрастала из-за отдаленности и недостатка связи. Но там, где появлялся священник, сердца людей наполнялись радостью.

Помню, как я однажды, после долгого перерыва, ехал в Якутск, на самый север Сибири, за три тысячи верст от Иркутска. Железнодорожной там нет, только широкий тракт, который тянется по холмам, степям, нехоженой тайге, местами среди труднопроходимых болот, замерзающих зимой – на них пасутся олени, выкапывая рогами из-под снега северный мох.

Проездом по тракту распоряжаются власти в Иркутске, у которых надо получить разрешение ехать на перекладных и менять лошадей на станциях, состоящих из избы и сарая. Селения в тех местах встречаются редко, они отстоят одно от другого на сотни верст, и

обычно располагаются в руслах рек. Дорогу преодолеваем на санях, хотя уже вторая половина мая: в здешнем климате весна наступает в конце мая и буквально через несколько дней сменяется летом. Ехали мы среди глухой тайги. На снегу виднелись следы волков и оленей, иногда -- огромного медведя или сибирского тигра, который забрел сюда в поисках добычи. Если он голоден, то может напасть и на человека. Беда ждет политического ссыльного, если, решившись бежать на родину, он повстречает этого властелина тундры...

Приближался вечер. Было холодно, хотя и не по-зимнему. В воздухе уже чувствовалась весна. На фоне снегов чернели кедры. Лучи заходящего весеннего солнца пробивались сквозь лесную чащу. Стояла величественная тишина. Слышно было, как белка пробегала по стволу дерева, как перелетали с ветки на ветку птицы, даже как падал снег, осыпавшийся под тяжестью крупной птицы. И вдруг из лесной глуши, издалека, донеслась мелодия какого-то песнопения. Обман слуха? Мы ехали целый день и не встретили ни одного селения, и надо проехать еще сотню верст, прежде чем покажется человеческое жилье. Ямщик хорошо знает эту дорогу. Напрягаю слух. Кажется, не ошибся. Отчетливо слышу: поют хором, слаженно и сильно. Самое удивительное, что грустная, торжественная мелодия как будто хорошо мне знакома, она своя, наша, та, что выплескивается за стены храма и уходит прямо в небо.

Невозможно, чтобы мой слух так обманывался! А, может, такое необычное явление -- следствие однообразного долгого пути? Может быть, оно воздействует на меня, но не на моего ямщика?

- Эй, Иван, - говорю ему, -- слышишь? Что это такое?

- Слышу, барин, это поляки поют.

- Поляки? Откуда они тут взялись? Едем к ним!

- Поселились, да и живут в тайге. Как раз в той стороне, куда мы едем.

Больше я ничего не спрашивал, только вслушивался в песнопение, которое по мере приближения звучало все громче.

Казалось, что поют деревья и кусты:

«Дева преславная и благословенная!

Защитница наша, Заступница наша!»

Приближаемся. Слова всё слышней. По одной стороне дороги деревья растут пореже. Ямщик свернул вправо, туда, где просвечивает поляна.

Под огромным дубом вижу людей, стоящих на коленях в снегу. На дереве часовенка с образом Матери Божией Ченстоховской, внизу мигают горящие свечи.

Серые фигуры, согнутые тяжестью земной жизни, сгрудились в кучку, словно горсть осколков в этих чужих краях. В тайге стал другим их земной облик, но песнопение выразило всю красоту их душ. Была в нем жалоба уставших, грусть одиноких, и великая, незамутненная вера настоящих христиан, вера во всемогущество Бога и в помощь Той, Которая идет с людьми на край света, дарит желание трудиться, снимает с сердца мучительную боль, преображая слезы в лучи надежды.

Мы вылезли из саней и тихонько подошли к ним. Прозвучали заключительные слова песнопения.

- Слава Иисусу Христу! -- громко сказал я, стоя за их спинами. Они ответили: «Во веки веков!», потом повернулись, внимательно посмотрели на меня и с удивлением вскричали: «Священник!?» Сколько было в этом крике радости и счастья! Ни рассказать, ни описать этого не в силах никто...

Не было бы, наверное, большей радости, даже если бы среди них оказался Ангел Господень...

Я сказал: «Давайте завершим сначала майское богослужение». Преклонил вместе с ними колени на снег, и запели мы прекрасное наше майское песнопение:

«Хвалите...»

Наверное, не было тогда никого, кто не плакал от волнения и не перенёлся бы мысленно в родную страну, где сейчас цветут сады, клокочет в гнезде аист и соловей выводит свои трели, где с зеленых лугов доносится запах цветов.

Когда закончилась молитва, я познакомился с этой горсткой соотечественников – мужчинами, женщинами, молодежью. Всего несколько десятков человек жило в этом селении. Все тяжело работали, чтобы выжить. Сначала их хотели поселить в голой степи, где не из чего было строить, но они предпочли глухую тайгу.

И благодаря их труду посреди поляны уже стояли новые дома, скрипел колодезный журавль, коровы пили воду из новой поилки, а детишки играли на новых досках, предназначенных для будущего строительства. Тяжелая работа издавна наш удел – и руки парня из Польши корчуют лес не только в Сибири, но и в Америке, и всегда он делает это с именем Божьим на устах, почитая в сердце Пресвятую Деву.

Мы остались у них до завтра. Я исповедовал, крестил детей, отслужил в одном из домов Святую Мессу. Потом нас угощали дарами тайги.

Оставил я наших соотечественников в надежде, что навещу их на обратном пути.

В Костроме и европейской части России

(фото: бывший храм в Костроме)

В 1915 году, после пяти лет нелёгкого, но плодотворного священнического служения на просторах Сибири, о. Иосиф был направлен в европейскую часть России, в Кострому, на должность капеллана орагория Непорочного Зачатия Пресвятой Девы Марии.

Приняли его там очень доброжелательно, доверие и взаимопонимание возникли сразу. Несколько месяцев о. Иосиф работал спокойно, но в январе 1916 власти обвинили его в

«государственной измене» из-за того, что он помог нелегально выехать за границу военнопленному, полковнику Лубинскому. Изнурительное следствие тянулось целый год. Когда же оно закончилось, о. Иосифа перевели в Москву, где он предстал перед судом. Суд заседал неделю, но вина не была доказана, и о. Иосифа освободили из-под стражи. Он вернулся в Кострому к своим дорогим прихожанам, и прослужил настоятелем ещё десять лет.

После прихода к власти большевиков священников стало гораздо меньше: одних убили, других отправили в лагеря. В 1923 году о. Иосифа назначили администратором приходов сразу в нескольких городах европейской части России: Архангельске, Ярославле, Рыбинске, Туле и Вологде. Немалые расстояния между ними напоминали служение в Сибири, теперь он снова, исполнив священнический долг в одном месте, как заботливый пастырь спешил к следующей овчарне.

Удивительно, как в то время жестоких преследований люди были привязаны к вере, к Церкви, к священнику, как томительно ждали очередного приезда о. Иосифа. Часто верующие отдавали последние деньги, чтобы не допустить закрытия храма. Люди голодали, страдали от разлуки с близкими, их отовсюду гнали, сажали в тюрьмы и отправляли на тяжёлые работы -- только за веру. Это была их жертва и, благодаря ей, о. Иосиф мог не беспокоиться о том, как содержать материально свои приходы и храмы. Разумеется, у большевистских властей это вызывало подозрение, поскольку они считали, что священник, который в условиях гонений обеспечивает надлежащий порядок в таком количестве приходов и храмов, непременно тайно связан с границей, откуда и поступает финансовая помощь в обмен на сведения о положении в России. Власти начали слежку за о. Иосифом. А он по-прежнему заботливо опекал вверенные ему приходы.

Самые тёплые отношения связывали о. Иосифа с Костромским приходом, ведь он служил здесь двенадцать лет, до 1927 года! Своей открытостью, сердечным и вежливым обращением он заслужил благодарность прихожан. Они уважали своего настоятеля, были привязаны к нему, и охотно откликались на его просьбы. Особенно это проявилось, когда о. Иосиф стал узником Соловецких лагерей. Любая связь с ним грозила тюремным заключением, но прихожане беспокоились за него, о чем свидетельствовали взволнованные письма, которые они направляли Екатерине Павловне Пешковой, возглавлявшей общество «Помощь политическим заключенным» и уполномоченной Польского Красного Креста в России. Это общество просуществовало с декабря 1920 по май 1938 года и помогло многим репрессированным, в том числе и полякам.

Церковь после Октябрьской революции

После революции 1917 года в России, вскоре ставшей Советским Союзом, началась жестокая борьба с Церковью, Католической и Православной.

Правление большевиков, которое держалось на страхе и терроре, привело страну к разрухе и голоду. В оправдание экономических и хозяйственных просчётов нужно было отыскать врагов, чтобы свалить на них вину. Удобнее всего было объявить виновной Церковь -- Католическую и Православную. И началась борьба с Церковью, с любыми проявлениями веры. А христианские Церкви в России стали истинными Церквями мучеников. Только с 1918 по 1930 годы были расстреляны сто тридцать православных епископов! Не говоря уже о тысячах верующих, убитых за то, что они пытались защищать свою веру и храмы.

Согласно официальным архивным документам, до 1917 года в России было построено сорок тысяч церквей и костёлов, множество мечетей и синагог. Больше половины из них были возведены в давние времена, и их историческая ценность неоднократно подтверждалась. Перед уничтожением все они были подчистую ограблены и осквернены. Известный большевистский лозунг: «Грабь награбленное!» власти использовали и для того, чтобы приступить к тщательному описанию церковного имущества. Оправданием их

действий был подписанный 23 января 1918 года декрет «Об отделении церкви от государства и школы от церкви». На основании этого декрета государство могло изъять всё, что принадлежало Церкви, в том числе школы и семинарии. Запрещено было всякое публичное обучение религии и катехизация детей.

Необходимо было уничтожить авторитет Церкви, и потому православных духовных лиц лишили права владеть любым церковным имуществом – теперь им могли владеть только приходы. Прихожане должны были создавать инициативную группу, которая могла обратиться к властям с просьбой о выделении им церковного здания и того, что нужно для богослужения. Но верующие зачастую боялись обращаться к властям, поскольку это могло грозить суровыми наказаниями и стать поводом для манипуляции. Священников (как православных, так и католических) считали отъявленными преступниками, и поступали с ними, как с уголовниками. Священники подвергались таким преследованиям и репрессиям, которые не снились и в самые мрачные царские времена. Их главная вина состояла в исполнении священнического долга и обязанностей.

В начале 20-х годов священников, как правило, пробовали склонять к отказу от сана и веры, а не убивали – чтобы их не считали мучениками. Были священники, которые соглашались на отказ, и среди них те, чья личная жизнь давала повод для шантажа. Но большинство духовных лиц отказывалось, несмотря на обещания дать свободу – и тогда их ссылали на принудительные работы в лагеря или расстреливали.

Для католических духовных лиц сотрудники ГПУ выработали другую тактику: их принуждали к сотрудничеству с компартией -- шантажом, физическим и психологическим давлением, подкупом и многим другим. Жизнь духовенства с каждым днем становилась всё труднее: непрерывная слежка, провокации и обыски, постоянная угроза ареста. Всё это привело к тому, что священники почитали жизнь в лагере на Соловках более сносной, чем на «свободе».

А во второй половине 30-х годов были даже попытки принудить священников к самоубийству. Например, сотрудники НКВД 16 июня 1936 года уведомили о. Петра Авгло, жившего в Могилёве: «Постановили о Вашей ликвидации, и будьте уверены, это произойдёт. Чтобы нам сэкономить и не прибегать к насилию, самоликвидируйтесь!». Через год о. Авгло был расстрелян.

Советская власть преследовала цель отравить душу, заронить сомнения в вере, вынудить сложить сан, а потом склонить к сотрудничеству с ГПУ-НКВД в качестве агентов, которые были нужны, чтобы бороться с Церковью. Многих влиятельных священников арестовывали тайно и неожиданно: в дороге, на улице, на вокзале, ночью дома, всегда без свидетелей, чтобы верующие не могли их защитить. Нередко священники исчезали бесследно, но после долгих поисков оказывалось, что они в тюрьме или в лагере.

Арест

В таких условиях большевистского террора, 22 августа 1927 года, в Москве был арестован о. Иосиф Юзвик. Пришли за ним польские сотрудники ГПУ. В его доме произвели многочасовой тщательный обыск. В результате нашли блокнот с записями интенций богослужений, которые о. Юзвик должен был совершить. Этот блокнот и стал главной уликой против священника. О. Иосифа обвинили в шпионаже в пользу Польши, Франции, Италии. В течение года, пока длилось следствие, о. Юзвик больше месяца провёл в тюрьме на Лубянке, и ещё восемь месяцев в Бутырской тюрьме.

Следствие было для заключённых настоящей пыткой: допросы шли по несколько месяцев, а то и год-два, обыкновенно в ночное время, к тому же днём запрещалось спать, за это наказывали. Иногда мучили всю неделю без перерыва. Целью лишения сна и отдыха было – довести узника до физического и нравственного истощения, сломить его, заставить

признать «вину» и подписать ложные показания. Среди способов морального уничтожения, было, к примеру, психологическое давление: внезапный переход от жестокого и унижительного обращения к утонченной вежливости, а затем снова к унижению, устрашению, шантажу...

Следователи по делу католических священников допрашивали сотни свидетелей, прежде всего прихожан, которых постоянно запугивали; использовали доносы тайных агентов, бывших в окружении священников; и даже записи «исповедей», которых никогда не было.

Отвага и нравственное состояние католического духовенства удивляли власти. В конце 40-х годов уполномоченный Совета по делам религиозных культов при Совете Министров Белорусской ССР К. Улашевич писал: «Казалось бы, приговоры должны заставить католическое духовенство отступить от своей линии поведения, но вышколенные иезуитами ксендзы ни на шаг не отступали от данной Папе клятвы».

Это красноречивое свидетельство стойкости католических священников. Не меньшего признания и уважения заслуживают и те из них, кто, зная о грозящей опасности, остался в Советской России и выполнял свой священнический долг, сохраняя верность своему призванию.

О. Иосифа Юзвика не смогли ни сломать, ни запугать, и после года мучений в Лубянской тюрьме его приговорили к смерти, но вскоре заменили приговор десятью годами Соловецких лагерей, где он пробыл на тяжёлых работах четыре года.

Соловецкие острова

Соловки расположены в Белом море, рядом с Полярным кругом, их поверхность покрыта озёрами. Это шесть отдельных островов, площадь которых составляет триста квадратных метров. Самый большой остров простирается на двадцать четыре километра с севера на юг и на шестнадцать километров с востока на запад. В любое время года здесь холодно, а летом к тому же докучают комары и москиты. Когда наступают белые ночи, солнце уходит за горизонт всего на два-три часа, поэтому можно читать без лампы чуть ли не до утра. Белой ночью трудно заснуть. Теплых, солнечных, летних дней, когда температура воздуха доходит до двадцати пяти градусов, совсем немного, а зимой тут морозно и влажно, и вдобавок ночь длится большую часть суток.

На островах расположен известнейший в России монастырь, который после революции стал местом заключения, страшным советским концлагерем.

История Соловецких островов начинается в 1429 году, когда туда приехали двое монахов Кирилло-Белозёрского монастыря, преподобные Савватий и Герман. Осмотрев острова, монахи решили, что они подходят для уединённой молитвенной жизни Божьих служителей. Вначале они вместе с преподобным Зосимой построили деревянный монастырь, известный как Зосимо-Савватиевский, а в XVI веке игумен Филипп (Колычев), возвёл каменную церковь и крепостные стены. Постепенно здесь вырос большой монастырский комплекс.

Исповедник императора Петра Первого рассказывал, что однажды на всю ночь ему явилась Божия Мать и сказала, что гора на острове Анзер будет называться Голгофой, что на ней будут скит и церковь Распятия Господня, что гора потемнеет от великих страданий. Этому пророчеству не верили несколько веков, но всё стало ясно в 1922 году, когда Соловецкие острова превратились в архипелаг смерти – ГУЛАГ.

Соловки были первым концлагерем и местом страданий. Монахов, живших здесь, убили, а на их место пригнали заключённых, которые часто были осуждены на каторгу безвинно: там их били, морили голодом, ломали души. «Вы не люди, а куча дерьма», - так им говорили. Входивших в ворота концлагеря несчастных узников встречал лозунг: «Железной

рукой загоним человечество к счастью!»

Лагерные охранники набирались из заключённых, владевших «политграмотой», они устанавливали порядок и следили, чтобы его соблюдали. Соловецкий лагерь стал образцом передела страны. Бывшие партийные функционеры, чекисты и сотрудники милиции попадали в лагерь за превышение власти или за уголовные преступления. В лагере они получали более хорошую еду, форму и оружие, которые выделяли их из массы заключённых, за которыми они надзирали.

Тяжелее всего было узникам, попадавшим во власть уголовников. Вот что писал о. Севастьян Сабудзинский своей семье: «Живу среди бандитов, людей озлобленных и озверевших.... Постоянно переносу угрозы, издевательства, насмешки, оскорбления и на работе, и в бараке. Тюрьма в сравнении с такой жизнью выглядит ещё сносной.... Живу на каторге совершенно без защиты. Никто не будет мне тут сочувствовать и помогать. Ни от кого не жду и ничего не хочу – только смерти быстрой и безболезненной».

В 1929 году Соловки посетил Максим Горький. С ним был один из высших чинов ГПУ, который после визита докладывал: «Осмотрели изолятор на Секирной горе, нашли всё в надлежащем порядке». А Максим Горький дописал: «Увиденное превосходно!» Никто из заключённых не отважился сказать правду, кроме четырнадцатилетнего мальчика из колонии для несовершеннолетних. Но несмотря на это, великий Горький подтвердил своим авторитетом, что лагерь – образцовое место коммунистического перевоспитания. А мальчика после его отъезда расстреляли.

Советская пропаганда заявляла, что такой лагерь – необходимое средство, чтобы исправить человека – в действительности же это был лагерь сметри. Соловки пятнадцать лет были местом заключения тех, кто недоволен существующим режимом, местом, где людей лишали даже имён, давая взамен номер.

В подобных условиях содержались и католические священники. Но у них была надежда – советская власть уполномочила представлять Польский Красный Крест в Москве Екатерину Павловну Пешкову, первую жену Максима Горького. Это представительство работало с 1920 по 1937 год и помогло многим репрессированным полякам и католическому духовенству. Надо отметить, что деятельность Екатерины Павловны заслуживает наивысшего признания, поскольку ни одну просьбу она не оставила без ответа. Это было огромной моральной поддержкой для тех, кто обращался к ней за помощью. Письма, адресованные ей, полны искренней благодарности. Многие даже называли её своей матерью...

Осуждённые жили в крайней нищете, и единственным спасением было – помогать им через Польский Красный Крест, по тайным церковным и дипломатическим каналам. Из Ватикана эта помощь приходила в Москву к епископу Невё, который всеми возможными способами передавал её священникам: как заключённым, так и тем, кто оставался на свободе. Оба примаса Польши, сначала кардинал Эдмунд Дальбор (1869-1926), а потом кардинал Август Глонд (1881-1948) тоже помогали в 20-30-е годы священникам в Советской России.

Посылки с продовольствием, которые священники получали от бывших прихожан, тоже были неоценимой помощью. Среди священников было много пожилых людей, измученных заключением, больных и инвалидов. Читая письма духовенства, удивляешься, как эти люди умели хранить верность своим пастырским обязанностям, проявлять искреннюю заботу о ближних и братьях. Любой священник, по разным причинам, не всегда мог получить пришедшую на его имя посылку, и тогда он передавал ее другому священнику, или нескольким, и они поровну делили ее между собой. Насущную необходимость взаимопомощи все ощущали очень глубоко.

Заключённые священники писали Е. П. Пешковой не только о хлебе насущном: в письмах на ее имя были и другие просьбы: «Прошу прислать бревиарий», то есть Литургию часов, или: «Прошу Вас получить согласие на совершение Богослужений». Эту просьбу, конечно, выполнить не удавалось...

Вот отрывок из письма о. Иосифа Круммеля, сосланного в Алма-Ату. Жил он там один, в страшной нужде: «Ночую на вокзале, хотя и оттуда гонят, или под заборами. Я стар, болен, слаб, средств никаких, на грани отчаяния. Если это будет продолжаться – погибну».

Насколько позволяли возможности, Е. П. Пешкова старалась облегчить участь заключённых и их семей. Отправляла в тюрьмы и лагеря посылки и письма, налаживала помощь членам семей «врагов народа», оставшихся без средств к существованию. Искала за границей людей, которые, по мере сил, снабжали репрессированных деньгами, помогала родным осужденных священников восстановить с ними связь, поскольку им самим запрещалось переписываться, и делать это можно было только через Красный крест.

Вот отрывок из письма в Польский Красный Крест (ПКК) Софии Бао, сестры священника Станислава Ганьского: «Присланный Вами рис – это счастье, потому что теперь есть чем выходить ребёнку. Уже месяц дочка болеет дизентерией, а у нас нигде нельзя достать рис, только ячмень. Врачи постоянно рекомендуют рисовый отвар, а его невозможно раздобыть, поэтому и решила просить Вас помочь. Очень Вам благодарна и мне просто не хватает слов, чтобы выразить то, что я чувствую».

Казалось бы, простые слова, но сколько в них боли и благодарности -- ведь речь идёт о жизни или смерти ребёнка!

Из писем, присланных в Москву можно было узнать и о судьбах священников, хотя чаще всего в них содержались просьбы о помощи. Вот отрывок письма о. Петра Гейта к Е. П. Пешковой: «Прошу прощения, что так часто Вас беспокою, но у меня нет другого выхода. Одна надежда на Ваше участие в моей тяжкой доле». Материальное положение почти всех оставшихся на свободе тоже было трудным, и ПКК стал для них единственным источником помощи. Анна Шейкус, которая в Смоленске помогала своему больному родственнику о. Хризогону Пржемоцкому, писала в ноябре 1929 года: «... приготовились к голодной смерти. Покорнейше просим, если возможно, помочь нам». Просьбы о продовольственной и денежной помощи встречаются в большинстве писем независимо от того, кто их писал. Естественно, приходило много писем со словами искренней благодарности ПКК за помощь, которую получали и заключённые в тюрьмах и лагерях, ссыльные, и те, кто остался на свободе:

«Искренне благодарю и очень признателен!» - о. А. Куровский, 10.08.1932 г.

«Буду Вам благодарен до гроба! ... Посылаю Вам слова бесконечной признательности, моя многоуважаемая избавительница. Я не в состоянии выразить Вам чувство благодарности, которым полно моё сердце!» - о. И. Круммель, 05.01. и 14.01.1935 г.

«Пусть Всемогущий Бог благословит Вас и каждый Ваш шаг. Пусть даст благословение и крепкое здоровье за Ваши дела милосердия!» - о. И. Круммель, 31.05.1936 г.

«Полагаю в Ваши руки тысячи сердечных благодарностей представительству Польского Красного Креста в СССР за помощь, оказанную в трудные дни», - о. С. Ивахнюк, 01.06.1933 г.

Эти и многие другие благодарности свидетельствуют, насколько нужна была помощь Е. П. Пешковой и всего ПКК.

Действенной помощью были уже упоминавшиеся письма и продуктовые посылки, которые священники получали от своих прихожан, несмотря на то, что жили те бедно и скудно. К тому же, оказание помощи грозило им преследованием вплоть до лагерей.

Вот письма, которые по делу о. Иосифа Юзвика писали Е. П. Пешковой прихожане из Костромы и Ярославля, письма, полные сочувствия и тревоги за судьбу их духовного пастыря. Первое письмо из Костромы написано Марией Мрожек 11 апреля 1929 г.:

«Глубокоуважаемая Екатерина Павловна! Наш священник Иосиф Юзвик после 9-месячного заключения в Бутырской тюрьме был направлен на Соловки, где находится и теперь. Он написал мне, как своей прихожанке, что ему нужна одежда, бельё, и просил прислать ему посылку с этими вещами. Мы собрали посылку и хотели её сегодня отправить,

но на почте не приняли. Объяснили, что из Москвы пришло распоряжение, запрещающее принимать посылки на Соловки. Мы переживали и не знали, что делать, но нам посоветовали обратиться к Вам, сказали, что Вы от своего имени или от Представительства Красного Креста можете отправить посылку. Очень надеюсь, что Вы не откажетесь выполнить нашу просьбу и ответите как можно быстрее. Отец Иосиф, бедный, ждёт, ему очень нужна эта посылка. Мы будем Вам очень признательны. Если можно, мы отошлем посылку на Ваше имя, а Вы перешлите её по адресу: Соловки, почта АКССР, лагерь СЛОН, для Юзвика Иосифа, сына Франциска. Надеюсь, что получим от Вас хорошие известия. Остаюсь признательной, Мария Мрожек, дочь Корнея, член Костромского прихода Римско-Католической Церкви. Кострома, ул. Ивановская, 8-1».

И пометка рукой Е. П. Пешковой: «Пожалуйста, высылайте, посылку перешлём. Е. П. 22/6».

Второе письмо от прихожан из Ярославля, написано М. Матейко, отослано 28.01.1930г.

«Глубокоуважаемая Екатерина Павловна! Мы, группа ярославских католиков, очень признательны Вам за заботу о мучениках, о политических заключённых. Мы очень Вам благодарны и просим не прерывать переписку с нами. От о. Юзвика мы не получили ни одного письма с 15.06.1929 г., хотя писали ему много писем и отправляли посылки. Письма были разные: открытые, закрытые, заказные. ... Разве нельзя послать даже почтовую карточку? Не могли бы Вы помочь? Получил ли отец посылку, которую мы пересылали через Вас? Екатерина Павловна, может, Вы могли бы написать ему письмо от своего имени? Поймите, мы очень обеспокоены, так как ничего не знаем о его здоровье, и не получали от него никакой вести. Просим также поговорить с польским посольством, когда и на каких условиях возможен обмен, от кого такая возможность зависит: от них или от польских властей? С глубокой болью вспоминаем жизнь нашего священника здесь. Тут жить ужасно, но что терпит невинный человек там, только за свой сан! Я имею в виду сан священника. Скорее всего, его приговорили к тяжёлым работам, и это в таком возрасте! Пожалуйста, узнайте, пишут ли его родственники из Польши, у него там родные братья. Всё, что Вы узнаете о нашем отце или о чём-либо к нему относящемся, просим сообщить нам. Просим прощения за беспокойство. С глубоким уважением к Вам весь ярославский приход и его уполномоченный М. Матейко. Адрес: г. Ярославль, ул. Павловская, д. № 13, кв.1 для Марии Петровской, дочери Петра, для передачи М. Матейко. 28.01.1930 г.»

Третье письмо снова из Костромы, написано прихожанкой Марией Марек 22 апреля 1930 года:

«Глубокоуважаемая Екатерина Павловна! Обращаемся к Вам с большой просьбой. Мы хотели бы отправить посылку для нашего дорогого духовного отца, заключённого Юзвика Иосифа, сына Франциска, через Ваше посредничество. Так она обязательно дойдет, а не затеряется, как наши письма ему и его письма нам. Шлём посылку на Вашу фамилию и просим переслать её по адресу: АКССР, город Кемь, отдел СЛОН, поселение Анзер, командировка «Троицкая», для заключённого Иосифа Юзвика, сына Франциска. Просим прощения, что так поступаем, хотя получили Ваше согласие и знаем, что Вы многое делаете для облегчения положения узников. Осмелюсь ещё кое о чём Вас попросить: можно, письма, которые мы будем писать ему, тоже направлять Вам? Он, несчастный, наверное, думает, что мы забыли о нём. С большой признательностью и благодарностью М. К. Марек. Кострома, улица Ивановская, 8-1, для Марии Марек, дочери Кароля».

Эти письма, полные любви и заботы, передают боль и тоску оставленных овец. Трагические судьбы огромного числа людей стали известны благодаря письмам из архива Польского Красного Креста. С того времени родилось и прожило жизнь целое поколение! И произошло невероятное – через столько лет был снят покров тайны и люди, которые так страшно страдали и уходили с этого мира, встали лицом к лицу с нами. Как понятны теперь

слова Книги Премудрости Соломона: «В глазах неразумных они казались умершими, и исход их считался погибелью...» (Прем. 3,2)

В 1928 году о. Иосифа вместе с другими тридцатью двумя священниками вывезли на отдалённый остров Анзер, работать на лесоповале. Там был устроен особый лагерь для католического и православного духовенства. Их отделили, чтобы духовенство не могло влиять на остальных узников, чтобы священники не знали, что в лагере на Соловках происходит массовое уничтожение заключенных. Власти хорошо понимали, что в Европе будут интересоваться судьбой католических священников и кого-то из них освободят, и они уедут за границу.

Остров Анзер

Этот второй по величине остров Соловецкого архипелага расположен к северо-востоку от Большого Соловецкого острова и отделен от него проливом, где море бурлит с такой силой, что редко замерзает зимой, изолируя Анзер на многие месяцы.

Все пять столетий, которые существует монастырь, место это считалось святым. На вершине горы Голгофа в начале XVIII века был основан Голгофо-Распятский скит. В конце 20-х годов XX века сюда из Соловецкого лагеря привозили тяжелобольных, умирающих и наказанных – женщин, родивших на Соловках, и их детей, проституток, больных сифилисом, наркоманов, духовных лиц разных вероисповеданий, в том числе и католических священников. Всех содержали в невообразимых условиях, смертность была массовой.

С первых же дней пребывания в лагере католическое духовенство стало добиваться возможности совершать службы в единственной действующей на Соловках церкви преподобного Германа, хотя бы в воскресные и праздничные дни. Разрешение было получено. «В то время, как в лагере царила духовная пустота, уныние и даже отчаяние, католики-церковники вели в своем замкнутом кругу содержательную жизнь... Наблюдая их, нельзя было не понять, какое место в жизни человека занимает религия, как она окрыляет. На фоне соловецкого быта это бросалось в глаза особенно ярко... По воскресеньям и праздникам служба совершалась в Германовской церкви, где при всей ее бедности, была торжественная обстановка».

В начале 1929 года католикам запретили приходить в церковь преподобного Германа. Официально - «в наказание за состоявшиеся там тайные посвящения священников и неумеренное пользование ею». Священники и верующие-католики потеряли возможность исповедаться и причастаться, а с 19 января 1929 года для них наступило "катакомбное" существование: в результате многочасового обыска были изъяты все религиозные книги и церковная утварь.

Однако тяжелее всего для католиков был перевод в марте 1929 года в 13-ю роту, которая находилась в Спасо-Преображенском соборе на Большом Острове и считалась карантинной. Туда направляли всех заключенных, прибывающих на Соловки. Рот было пятнадцать, а 12-я и 13-я считались «лагерным дном». Там в одном большом помещении содержались сотни заключенных, в том числе и уголовники. Однако документы свидетельствуют, что и в этих условиях священники вели себя достойно.

Летом 1929 года о. Иосиф и еще 22 католических священника были переведены на штрафную командировку «Троицкая» на о. Анзер. Там их поселили в отдельном бараке, и даже во время работы им запрещалось любое общение с другими заключёнными. Среди заключённых эта командировка считалась самой жестокой. Здесь люди молили о смерти.

Один из узников, о. Донат Новицкий, вспоминал: «Здесь двадцать три священника находились в помещении три-четыре метра длиной и около двух метров шириной. Некоторые спали на полу, часть на нарах, на высоте около метра от пола, совсем как селедки в бочке».

Невероятно, но и в таких условиях священники нашли способ служить Св. Мессу. Об

этом свидетельствует о. Донат Новицкий:

«Осенью 1931 года переселили нас обратно в третий барак. Но разместили нас не на чердаке, а внизу, в жилом доме. А наверху сложили наш багаж. Вот на чердаке этого дома, а не в боковых тайниках как раньше, мы служили Св. Мессу аж до последнего дня перед арестом 15.07.1932 года. Было это самое подходящее место из всех возможных, где мы нелегально совершали Богослужения. В доме установили столик, сделанный о. Я. Версоцким, на нём служили священники латинского обряда – днем там лежал наш черный хлеб, чтобы не возбуждать подозрения охраны. На чердаке мы сделали тайник, где можно было легко и быстро спрятать все наши нелегально добытые предметы для Богослужений. Разместились мы там со своеобразным «комфортом». Чтобы снаружи нельзя было что-нибудь заметить, ведь совершались Богослужения по ночам, мы закрывали маленькие окна своими спинами».

Оказавшиеся здесь священники, по инициативе одного из них, епископа Болеслава Слосканса, образовали общину и старались в этих нечеловеческих условиях быть внимательными и заботиться друг о друге. Когда умирал священник Феликс Любчинский, настоятель кафедрального собора в Каменец-Подольске, все старались облегчить его последние дни, а после смерти похоронить по-человечески: в гробу, как положено по церковной традиции.

Один молодой священник пришел в лагере к глубокому убеждению: «Человек, который утратил веру, теряет всякий моральный облик и превращается в дикого зверя. И если он поступает согласно философии: «Бога нет, а значит все можно, все дозволено», то нарушает все без исключения права любого человека, независимо от того, кто он».

Во всем этом жил и участвовал о. Иосиф, как мог помогал, терпел, страдал, болел, а вместе с ним терпели и умирали его собратья-священники.

В феврале 1930 года ГПУ потребовало от всех священников подписать декларацию о сотрудничестве. Ее текст гласил: «Я, ..., обязуюсь по приказу ГПУ предоставлять информацию, которую от меня потребуют, и сохраню это в тайне, а если я нарушу приказ, то пусть меня постигнет кара по закону военного времени». Тем, кто отказался, дали на размышление восемь дней.

Неизвестно, кто из священников поддался нажиму и устрашению ГПУ, но сколько-то из них, по разным причинам, декларацию подписали.

Некоторые священники, подписавшие декларацию, незамедлительно сообщили об этом вышестоящим лицам, и не утратили их доверия, поскольку подписание декларации было для них своеобразной защитой. Так, например, поступил о. Кароль Лупинович, настоятель прихода Петра и Павла в Москве, который уведомил о том, что подписал декларацию апостольского администратора епископа Невё, у которого был генеральным викарием. Позднее он был обвинен ГПУ в разглашении служебной тайны и отправлен в лагерь, где умер в 1937 году. Многие из тех, кто подписал декларацию под нажимом, не выполняли ее, и потому были арестованы, осуждены и расстреляны. Те же, кто позволил себя сломать, и сотрудничал с ГПУ, нанес Церкви большой вред.

Со священниками обращались хуже, чем с остальными, за то, что они не оставляли своей обязанности совершать Богослужения. Союз воинствующих безбожников сурово карал за малейшее проявление религиозности. Кто был не с ними, был против них и считался врагом. Священники были идейными врагами и потому их отправляли в лагеря на самые тяжелые принудительные работы. В лагерях им запрещали переписываться не только с прихожанами, но и с близкими родственниками.

Положение духовенства ухудшалось с каждым днем. Доведенные до крайности священники заявили протест против преследования верующих в СССР. Это был акт огромного мужества в условиях повального террора и устрашения. На протесте стоит дата 29.06.1930 года и направлен он был в Центральный Исполнительный Комитет СССР (ЦИК).

Вот этот документ целиком, написанный от имени одного из священников:

«В Центральный Исполнительный Комитет СССР, Кремль.

Заявление от заключенного Филиппа, Адольфа Готлибовича, пребывающего в Карельской Автономной Советской Социалистической Республике, 4 отделение СЛОН ОГПУ, Пункт Анзер, командировка «Троицкая».

После долгого молчания довожу до сведения ЦИК о доходящих уже до неба криках о помощи, о бесправии и преступлениях, которые совершают атеисты ОГПУ, нарушая Советскую Конституцию о свободе совести и веры по отношению к Римско-католическому духовенству и к верующим. Наше бесправие не только не уменьшается, а напротив приняло огромные размеры, и в такой ситуации молчание было бы преступлением. Поэтому для успокоения собственной совести я должен известить ЦИК о следующем.

В последнее время, как духовенство, так и верные столкнулись с такими репрессиями и преследованиями, которые не снились никому, даже в самые мрачные царские времена. Нас, священников, считают наихудшими преступниками и поступают с нами как с самыми последними рецидивистами. Хотя мы осуждены по разным статьям Уголовного Кодекса, все сводится к одному: к запрещению исполнения священнических обязанностей. Только за наши религиозные взгляды так сурово карает нас Союз воинствующих безбожников.

Известно, что каждый коммунист должен быть неверующим и безбожником, и партия ВКП (б) состоит из таких людей, люди эти руководят государством, и ничего удивительного нет в том, что тех, кто не с ними, считают врагами. Поэтому нас, священников, как своих идеологических врагов, высылают в лагеря на тяжелые принудительные работы. Там нас лишают возможности переписки не только с верующими, но и с ближайшими родственниками. Я, например, целый год не получал писем от моей мамы, и она от меня не получила ни одного письма. По этой же причине мы лишены материальной помощи с воли.

Деньги и посылки, если кому-то и высылались, то из-за того, что место нашего нахождения было неизвестно, пропадали целиком, либо их ждали много месяцев.

Среди нас, священников, немало пожилых и инвалидов, которых заставляют выполнять тяжелые работы, как, например, копать ямы под фундаменты построек, вытаскивать большие камни, долбить зимой замерзшую землю, возить тяжести на расстояние пятнадцать километров, где часть пути надо совершать по морю, и соленая морская вода проникает в обувь. Иногда нас заставляют дежурить по шестнадцать часов в сутки вне помещений без перерыва. Поэтому мы часто боеем. О. Франциск Буальский был послан на вырубку леса и там по неопытности чуть не отрезал себе ногу. Нога, может, через какое-то время и заживёт, а вот священник на всю жизнь останется инвалидом. После тяжелой работы нет возможности отдохнуть, в наших бараках на одного человека приходится менее 1/16 квадратного метра пространства. Иногда нас заставляют долгое время неподвижно стоять на холоде. Во время переключки никто не смеет пошевелиться, мы находимся в полной зависимости от уголовников, из среды которых набираются наши непосредственные начальники.

Такое положение вещей не может продолжаться десять лет, то есть до конца срока, к которому большинство из нас приговорено. Мы должны будем, кто раньше, кто позже распрощаться с жизнью, если положение не изменится. А оно лишь ухудшается с каждым днём. Даже когда священники отбудут срок в лагере, их отсылают на поселение в места, где очень трудно жить из-за климатических и экономических условий. Наши идеологические враги, коммунисты, и, прежде всего ОГПУ, арестовывают нас десятками в одночасье. Не менее тридцати пяти священников арестовано на Украине в течение двух дней в конце июня 1930 года. Этими арестами хотят уничтожить религию, оставить не десятки, а сотни и тысячи верующих без пастырского попечения. На церкви налагают налоги в сотни и даже тысячи

рублей, вынуждая верующих собирать деньги в кратчайший срок. А если деньги в указанные сроки не внесены, церковь закрывают, а в газетах пишут, что дома молитвы закрываются по желанию верующих.

Человек верующий автоматически попадает в категорию «кулаков», его выселяют из дома, лишают земли, конфискуют имущество, и чаще всего отправляют в лагерь на принудительные работы, а семью депортируют в самые глухие уголки Советского Союза. Так же, как и римско-католических священников, которые отбыли наказание в лагерях. В Соловецком лагере, как в более «мягкие времена», например в 1927 году, так и в настоящее время, не было случая, чтобы священник, отбыв срок за преступление, которого не совершал, не был выслан под надзор в отдаленную местность с тяжелыми климатическими и экономическими условиями.

Таким образом, если существующее положение вещей не изменится к лучшему, то желание ГПУ исполнится буквально – мы в таких условиях не выживем, а ГПУ только этого и ждет с большим нетерпением.

Чтобы полностью уничтожить духовенство, не нужно десяти лет таких условий, в которых мы находимся. В течение последних лет не досчитались мы многих собратьев. Двое умерли на Соловках. В прошлом, 1929 году, умер о. Ибянский, позднее о. Фурх. Те, кто уже отбыл свои сроки в лагере на Соловках, живут в ссылке в тяжелейших моральных и материальных условиях. Можно еще много написать о несправедливых приговорах к лагерям и ссылкам, но я это опускаю, так как, думаю, ЦИК СССР всё известно. Остается только надеяться и ждать прекращения высылки невинных людей или ответных шагов, ведущих к улучшению их жизни.

Правдивость моей информации могут подтвердить отбывающие наказание в командировке «Троицкой» в тридцати километрах от Соловецкого острова мои братья, римско-католические священники: Александров Николай Николаевич, Ашеберг Павел Петрович, Барановский Петр Августович, Батманишвили Шио Григорьевич, Буяльский Франциск Константинович, Версоцкий Ян Янович, Дейнис Викентий Викентьевич, Емельянов Потапий Андреевич, Жаврид Ян Раймундович, Иванов-Столбинский Доминик Адольфович, Любчинский Феликс Николаевич, Новицкий Донат Гильярдович, Сивицкий Казимир Антонович, Слосканс Болеслав Бернардович, Совинский Юзеф Болеславович, Стысло Василий Васильевич, Тройго Ян Янович, Троцкий Франциск Иванович, Хомич Павел Семенович, Шавдинис Мечислав Петрович, Юзвик Иосиф Францевич.

А. Филипп

20 июня 1930 года

*Автономная Республика Коми, Кемь, 4 отдел СЛОН
пункт Анзер, командировка «Троицкая».*

Это заявление было обнаружено в феврале 1995 года в библиотеке Ватиканского восточного института в Риме, в копии, на трех страницах машинописного текста. Каким образом оно оказалось в Риме, неизвестно.

В заявлении о. Филиппа речь шла не о собственной защите или улучшении своего положения. Напротив, все понимали, что может быть хуже. Это был осмысленный протест против зла, который показывал его причины и заслуживал уважения, как акт гражданского мужества и проявление человеческого достоинства.

Надо подчеркнуть, что православное духовенство направило подобный протест намного раньше. В 1923-1926 годах в Соловецком лагере находились двадцать три православных епископа, которые направили правительству СССР «Памятную записку соловецких епископов», где говорилось о нарушении прав, дискриминации и преследовании духовенства и верующих за их якобы контрреволюционную деятельность. Говорилось также о лживых официальных утверждениях о свободе религии, якобы имеющей место в СССР и

т.д. Молчать о таком положении вещей епископы считали невозможным и унижающим достоинство Церкви.

Оба эти протеста были свидетельством героизма, внутренней свободы и человеческого достоинства духовенства в условиях унижительного лагерного существования.

По негласной договоренности священники старались и дальше, до июля 1932 года совершать тайные Богослужения. Это было возможно только в условиях строжайшей конспирации. Служили в лесу, на складе, на мельнице и т.п. Священники делали все, чтобы помочь себе и другим, морально и материально. Поскольку атмосфера доносов, в которой они жили, рождала подозрительность, то помощь была скрытой.

Все священники, отбывающие наказание на острове Анзер, вновь были осуждены за создание антисоветских групп, хотя это и не соответствовало действительности. Их обвинили в антисоветской агитации среди заключенных, в организации тайных Богослужений и совершении религиозных обрядов, в том, что они тайно изготавливают самогон и влияют на заключенных католиков, раздавая им деньги, полученные от друзей. И еще в том, что они ведут беседы на религиозные темы, и так вербуют себе в лагере сторонников.

Кроме того, их обвинили в том, что с помощью «завербованных заключенных католиков и через приезжающих на свидания родственников», священники устанавливают нелегальную связь с волей, сообщают о своем положении агентам и передают информацию шпионским организациям, от которых получают сведения о положении Католической Церкви и ее деятельности на территории СССР».

Состоялся процесс, по итогам которого священникам опять увеличили сроки заключения до десяти лет. После этого их разослали по разным тюрьмам.

Все священники с командировки «Троицкая» держались во время следствия с большим достоинством и мужеством, отважно защищали свои религиозные убеждения и категорически отвергали политические обвинения.

Приведем отрывки из нескольких допросов.

«Здесь я стал еще более убежденным католиком, и никто не может отобрать моей веры», - о. Потапий Емельянов.

«Готов отдать жизнь за свои католические убеждения», - о. Викентий Дейнис.

«Бог выделил меня, чтобы я всё переносил терпеливо, укрепляя чувства других верных. Ни на один компромисс, касающийся религии, не пойду», - о. Павел Хомич.

«Что касается католицизма, то не изменю собственным убеждениям, к тому же призывал верующих, таким был перед арестом и ссылкой в лагерь, и остался таким. Ненавистью к советской власти не живу, но никогда не мог и не могу поддерживать безбожие, не буду и дальше поступать против своей совести», - о. Яков Розенбах.

Следствие закончилось в июле 1932 года.

Неизвестно, какие показания давал о. Иосиф, знаем лишь, что относительно него было принято решение: «держать на островах в изоляции от других священников до конца срока». Восемь священников отослали в Ленинградское ОГПУ, а остальных отправили на самые тяжелые лагерные командировки или на строительство Беломорканала. О судьбе о. Адольфа Филиппа, написавшего протест, известно, что после отбытия десятилетнего срока на Соловках он был освобожден, а в 1936 г. недолго жил в Витебске. Год спустя он был арестован снова и о дальнейшей его судьбе сведений нет.

Последний обмен политических заключенных

По ходатайству Польского Красного Креста и Екатерины Павловны Пешковой время от времени совершались обмены граждан Польши на отбывающих наказание в польских тюрьмах советских коммунистов. Последний обмен состоялся 15 сентября 1932 года,

поскольку летом того же года был подписан польско-советский Договор о ненападении. Обмену подлежали сорок человек, в том числе шестнадцать священников с Украины, среди священников из Соловецкого лагеря был о. Иосиф.

Мария Бортновская, которая возглавляла отдел информации ПКК и присутствовала при этом обмене, рассказывала:

«Пятнадцатого сентября утром вместе с сотрудниками ПКК из Барановичей я выехала для получения пропуска в Колосово, где на погранзаставе надо было приготовить первый пункт питания для заключенных. Все продукты мы везли с собой. Благодаря любезности командования батальона погранохраны в Столбцах, в Колосове был приготовлен зал, и мы получили всю необходимую помощь (горячую воду для чая, кипяченое молоко, посуду и т.п.). Мы были готовы выдать провизию не только возвращающимся гражданам Польши, но и прибывающим в Россию коммунистам, однако они нашим гостеприимством не воспользовались, потому что их на дорогу снабдили едой.

Около двух часов дня г-жа Пешкова, уполномоченная ПКК в Советской России, привезла поездом через границу до Столбцов семьи заключенных, получивших разрешение вернуться в Польшу. Некоторые из них много лет не могли переписываться с родными.

Мы ждали заключенных на станции Колосово часов в пять вечера, возвращалось сорок человек, среди них восемнадцать священников (*в документах указано разное число людей*).

Необыкновенно волнующей была минута, когда узники в глубоком молчании переходили границу, женщины – впереди, священники и другие мужчины – за ними. Одновременно сорок коммунистов шли в противоположную сторону, на советскую территорию. Когда поляки ступили на землю Отчизны, их окружили представители власти и ПКК, и все вместе пошли в дом, где была приготовлена еда: чай, молоко, бутерброды, печенье и т.д.

Оркестр приветствовал возвратившихся гимном, многие из них плакали. Это была торжественная минута, о которой невозможно забыть».

Мария Бортновская передала узникам письма от родных, потом специальный поезд довез всех до Столбцов, где уже ждали представители общественных организаций и родственники, некоторые из них приехали издалека.

Читаем дальше записи М. Бортновской: «В здании железнодорожного вокзала был подан обед. За стол сели сто двадцать человек. Приветственные речи во время обеда произнесли представители государственной власти, папского нунция, ПКК, Товарищества бывших защитников восточных границ, Союза трудящихся женщин и т.д. С ответным словом выступил о. Теофил Скальский и о. Федорович. Они выразили благодарность за помощь, полученную от государства и ПКК: «благодарим за сердечную встречу и просим помочь тем, кто остался в СССР».

После десятидневного карантина бывшие узники написали благодарственное письмо:

«Оказавшись несколько дней назад на территории Польского государства, мы, нижеподписавшиеся, священники и все бывшие заключенные, прибывшие из Советской России, получили столько доказательств сердечного живого и искреннего сочувствия, что, не имея другой возможности, хотим на страницах прессы выразить сердечную признательность всем без исключения, кто своими стараниями, участием, самоотверженностью, наконец, памятью, причастен к оказанной нам помощи.

Особенно благодарим г-на председателя Вильгельма Куликовского, всё правление ПКК и лично гг. Анну Пашковскую, Марию Бортновскую, Екатерину Пешкову, достойнейшего Нунция, епископов Адольфа Шелонжека и Казимира Букраба и всех священников, приехавших встретить нас, всех представителей армии и пограничников, Союза трудящихся женщин, Товарищества бывших защитников восточных границ, и всех,

кто встречал нас в Колосове, Столбцах и Барановичах.

Сердечная встреча, которую организовал Барановичский отдел ПКК, и забота о нас надолго останутся в нашей памяти. Еще раз выражаем огромную признательность, идущую из наших, до глубины тронутых, польских сердец.

Профессор о. Т. Скальский, о. К. Наскренцкий, о. Свидерский, о. А. Скальский, о. Ф. Андрушевич, о. Б. Савицкий, о. Д. Новицкий, о. И. Юзвик, о. Ф. Буяльский, о. В. Стысло, о. М. Соколовский, о. Т. Прокопович, о. Зых, о. В. Кривенчик, о. Ч. Федорович, о. Ивановский, о. Ф. Плоцкий, о. С. Пржирембель, С. Баровский, С. Яворский, К. Марцонь, В. Жиловский, Е. Жиловский, Т. Марцинковский, В. Элбертерт, А. Малешкевич, М. Цвирбут, И. Границкий, З. Свенцинский, Р. Туркевич, И. Пиотр, Др. И. Шалацкий, К. Новицкая, М. Рогозинская, И. Бергман, А. Новицкая, К. Голаванчук, Р. Голаванчук».

Ко времени возвращения на родину о. Иосифу было уже пятьдесят девять лет. Если бы его не освободили, он не прожил бы и полугода, так он был изнурён.

К о. Иосифу, туда, где происходил обмен, на станцию Негорелое около Столбцов, приехал его брат – о. Генрих. Братья не виделись много лет и долго не могли узнать друг друга, к тому же о. Иосиф выглядел страшно.

Только когда на перроне никого не осталось, они обратили друг на друга внимание... Можно себе представить их переживания и радость, потому что тот, кто пропал – нашелся... Было это 15 сентября 1932 года в праздник Божьей Матери Скорбящей...

Отчет о. Иосифа о пребывании на Соловках

До сих пор мы писали об о. Иосифе на основании работ профессора Люблинского Католического университета о. Романа Дзвонковского и семейных воспоминаний. Далее предоставляем отчет, написанный о. Иосифом для апостольского нунция, архиепископа Мармаджи в 1934 году, а тот передал его в Ватикан.

Спустя семьдесят пять лет, отчет, по моей просьбе, отыскал в Ватиканских архивах проф. о. Мариан Радван, а о. Роман Дзвонковский прислал мне его ксерокопию.

«Гузов, около Жирардова 28.11.1934 г.

Милостивейший Архипастырь!

Прошу у Вас прощения за такую большую задержку с рассказом. Признаюсь искренне, что собрался писать после получения письма от Вашего Высокопреосвященства. Закончил за несколько дней и имел искренние намерения выслать этот отчет, ждал только случая перепечатать его на машинке.

Перечитал свои воспоминания со времени ареста, следствия, а также приезда на Соловки, про работу, отношения, пребывание на островах и неожиданный вывоз меня на Родину, и заметил, что мысли мои растянуты. Они не умещаются в форму рассказа, часто повторяются, из-за желания подчеркнуть главную мысль.

Однако чувствую, что обязан исполнить пожелание Вашего Высокопреосвященства и Святейшего Отца, для которого каждую минуту готов отдать все свои силы и жизнь, где бы они ни потребовались.

Посылаю то, на что решился в последние минуты, хотя и не все подробно описал, опасаясь, что много ненужного балласта, но и это может пригодиться.

Писал только о том, что сам пережил и видел собственными глазами вместе с товарищами, которые тогда еще оставались живы. Многие из них не смогли дожидаться свободы, завершили свою жизнь в неопикуемых страданиях. Но в последний путь все уходило из мира в единстве с Богом, хотя не раз это было невообразимо трудно из-за тысячи преград.

Все мы чувствовали, хотя и не могли высказать, благодарность Святейшему Отцу за

Его действенную отцовскую любовь и заботу.

Прошу Ваше Высокопреосвященство уверить Святейшего Отца в нашей неизменной и непокоренной любви и верности Церкви и Святейшему Отцу. Мы все, кто еще жив, при первой возможности пойдем работать на ниву, указанную нам Наивысшем Пастырем.

Кончаю наисердечным целованием рук Вашего Высокопреосвященства, всем сердцем преданный покорный слуга о. Иосиф Юзвик. *Подпись*

22 августа 1927 года в четыре часа дня я был арестован в Москве на глазах у местного настоятеля о. Кароля Лупиновича, и, в настоящее время Его Преосвященства, епископа Пия Эжена Невё. После тщательного обыска меня забрали в тюрьму ГПУ, находящуюся на Малой Лубянке, 14. Тут был первый допрос. Меня обвинили в шпионаже в пользу Ватикана, Франции и Польши. Главной причиной назвали мое общение с епископом Невё, у которого я бывал раз в месяц, а иногда и чаще. Обвиняли меня в том, что, обслуживая почти весь Север, я имел возможность получать сведения от своих прихожан об экономическом и политическом положении Российского государства.

По их мнению, прихожане не могли содержать церковь, поскольку их число было невелико, а налоги увеличивались каждые два месяца, а иногда и через неделю. Ремонтировать церкви велели как можно лучше, все распоряжения исходили от людей, далеких от религии. Запрещено было продавать материалы, необходимые для ремонта церквей. А прихожане, на удивление, выполняли все распоряжения. Необходимые материалы они, заботясь о церкви, покупали как бы для своих нужд, а потом привозили их в церковь, и ремонт был сделан. Законченную работу принимала комиссия, и она не могла не удивляться, каким образом бедные прихожане вышли из такого трудного положения.

В конце концов, большевики решили, что материальную помощь нам оказывает правительство Польши, а за эту помощь Церкви мы должны предоставлять посольству Польши сведения о политическом положении и религиозных преследованиях.

Этого обвинения предъявить мне не могли, так как в польском посольстве за последние десять лет я не был ни разу.

После ареста они убеждали меня, что не хотят моей гибели, просили, чтобы я рассказал им всю правду и признал все, в чем меня обвиняли. С этой целью меня на второй день перевезли в открытой машине на Большую Лубянку, 2. Это было 23 августа. Там меня проводили к самому главному начальнику ГПУ, где меня ждали трое судей и главный комиссар. Приветствовали меня по-приятельски, выказали большое сочувствие и обещали свободу при условии, что я подтвержу предъявленные мне обвинения и расскажу о своих связях с Апостольской столицей, с епископом Невё, епископом Слоскансом, епископом Малецким. С последним я тоже общался, потому что обслуживал в его епархии два прихода.

Они хотели также узнать, как я связываюсь с Апостольской столицей. А когда я ответил им, что об этом ничего сказать не могу, меня назвали лжецом.

Потом они решили попробовать, выдержу ли я взгляд – от этого зависела правдивость моих слов. Главный комиссар уперся локтем и стал смотреть мне в глаза, а я – ему. Через пять минут комиссар отвел взгляд.

Тогда они разозлились еще сильнее и стали осыпать меня всякими оскорбительными прозвищами. Снова обещали свободу и материальную помощь, если я перейду на их сторону и буду доносить про все, что касается Церкви, епископов и Ватикана. Я ответил, что такое предложение принять не могу. Следствие вели поляки, фамилий их я не знаю. Знаю только, что о. Лупиновичу они хорошо известны, как и эконом московского храма св. Петра и Павла г-н Франтишек Ройек, который, как выяснилось по ходу дела, был главной причиной моего ареста.

Этот Франтишек Ройек, которого уговорило ГПУ, полгода назад настаивал, чтобы я написал в Польское посольство письмо с просьбой о материальной помощи на ремонт

церквей, уверяя, что посольство охотно мне эту помощь выделит. Особенно он настаивал на этом за день до моего ареста. В конце концов, очень неохотно и под давлением, я поддался на уговоры и написал несколько слов о положении церквей, которые я обслуживаю – но нигде не указал, к кому я обращаюсь, и не поставил свою подпись. Г-н Ройек забрал у меня эту бумагу, сказав, что перепечатает ее на машинке, и завтра придет за моей подписью, а потом принесет мне из посольства деньги.

На следующий день он пришел в церковь очень рано и отдал мне черновик, сказав, чтобы я переписал и подписал, а в половине четвертого он придет за письмом, чтобы отнести его в посольство. Черновик я положил в карман, но писать ничего не собирался. В половине четвертого вместо г-на Ройека пришли сотрудники ГПУ. Они были очень недовольны, что не нашли документа, на который рассчитывали.

Спустя месяц, в течение которого шло следствие и я сидел один в сырой и темной камере, меня перевезли в Бутырскую тюрьму (это тоже тюрьма ГПУ), где я просидел восемь месяцев. Допрашивали меня еще пару раз, и приписывали мне всё новые преступления.

В течение восьми месяцев пребывания в Бутырке меня несколько раз возили из одной тюрьмы в другую, всегда ночью. Я никогда не знал, куда меня забирают. Ночной подъем часто означал смерть.

Наконец огласили приговор – десять лет каторжных работ на Соловецких островах – это на Белом море..

Вывезли нас из Москвы 16 мая 1929 года. На станцию Кемь мы приехали 22 мая в восемь утра. Всю дорогу мы не получали горячей пищи, только фунт хлеба и немного рыбы, к тому же не первой свежести. Последние два дня пути хлеба не давали, обещая отдать долги на месте. Из Москвы на Соловки вывезли сразу четыреста шестьдесят человек разного происхождения и положения. Ехали восьмидесятилетние старики, совершенно слепые, больные, и люди молодые, и средних лет, порядочные, воры, бандиты. У последних были особые привилегии, поскольку начальники считали их социально-близкой категорией.

Со станции Кемь мы поехали на Попов-Остров, на расстоянии четырех-шести километров. Прежде всего мы увидели тюремное начальство, которое встретило нас проклятиями и устрашениями. Нам сразу сказали, что мы приехали не к родным («тёте или теще» – как они выразились), но под надзор ГПУ, который к своим врагам не имеет никакой жалости, но заботится о том, чтобы их уничтожить. Единственные, кто был нам рад – это насекомые, которые прямо сжирали нас. Одни не трогали нас днем, чтобы со свежими силами обрушиться ночью, другие не отставали ни на шаг, а личинок было столько, что они трещали под ногами.

Охрана наша состояла из уголовников, осужденных за разные преступления. Каждый из этой банды начальников должен был пройти полугодовые курсы, чтобы как следует подготовиться. Из бандитов выбирали самых закоренелых. Все были вооружены, носили куртки из серого сукна, с черными воротниками и манжетами, а на шапках у них были нашиты звезды из красного сукна. Начальники из ГПУ, свободные, отличались от них длинными шинелями, красными околышами фуражек с металлической пятиконечной звездой. Этим двум категориям сторожей без чести и совести была дана неограниченная власть. Каждый из них мог делать с заключенными все что угодно. До 1930 года убийства заключенных без суда были ежедневными.

Весь порядок и режим были военными. Заключенных распределяли по отделениям и ротам, которых было шестнадцать. 17-я рота состояла из особо наказанных заключенных. Эти жертвы всё время находились в тюрьме под замком, горячее питание им давали через день или два, и в уменьшенном количестве. Если заключенный по болезни или увечью не мог работать, это считалось тяжелым преступлением и его отправляли в спецтюрьму «Секирка» в старой церкви.

Это была самая страшная тюрьма, какую можно представить. И речи быть не могло,

чтобы заключенные сидели, лежали или стояли. Единственное, что можно было – сидеть на корточках. И так без перерыва день, два, три, сколько выдерживали. Если заключенный стонал от боли и умолял о разрешении переменить позу, на него не обращали внимания. Если пытался добиться помощи криком, то сам начальник оказывал ему помощь радикальным способом – достаточно было одной или двух пуль.

Сразу после приезда все узники подвергались муштре, независимо от возраста, усталости с дороги, болезни и чувства голода. Если кто-то падал в обморок, то очнувшись, должен был снова маршировать. Я тоже выполнял эти упражнения, для которых было выделено место в низине, покрытой камнями и топкой грязью. От такого «спорта» бывали и смертельные случаи. Никто никому не выказывал ни малейшего сочувствия. Отдохнуть не давали и в перерывах – надо было приветствовать очередного прибывшего чиновника. Я сам два дня бегал на таких занятиях, несмотря на хромоту из-за обострения ревматизма.

И это было только начало.

После нескольких часов упражнений без хлеба и еды нас отправили на работу, на всю ночь. Работа вовсе не была срочной, просто нашим начальникам важно было мучить нас как можно сильнее. Только на третий день дали нам суп из одного лука (кто не ел, тот не сможет даже вообразить его вкус). Кто не мог есть этот суп, оставался голодным. Нам объяснили, что в лагере цинга, и тот, кто не хочет заболеть, должен есть лук и чеснок. Советов их я не послушал, лук не ел, но Господь Бог уберег от этой болезни, а другие и ели, и цингой болели, очень многие умирали.

После восьми дней пребывания на Попов-Острове самых опасных заключённых перевезли на главные Соловки (известные как «Остров смерти»), где нам обещали «рай».

Среди этих опасных был и я.

Главные Соловки расположены в шестидесяти километрах от станции Кемь. Весь остров огорожен большой и добротной построенной крепостью. Стены очень толстые, камни, из которых они сложены, выглядят обломками скал. Удивительно, как люди могли поднять такие тяжелые камни на такую высоту.

От пристани нас сразу повели внутрь крепости. Было видно, что когда-то здесь царил порядок. Посередине крепости стоял громадный величественный собор. Нас провели через главный вход. Видны были великолепные настенные фрески, сделанные рукой настоящего художника. А рядом – «творчество современных художников», которые замазывали известкой бесценные произведения византийского искусства.

Тут уже не было места для общей молитвы, но я не раз видел, как вера рвалась из глубины души несчастных заключенных – когда кто-то в углу тихо раскаивался и лил горькие слёзы при виде страшного запустения. Там, где когда-то слышалось прекрасное духовное пение, и люди славословили Всевышнего, сегодня раздаются ужасные проклятия – это безбожные уста приносят своеобразные жертвы сатане.

Нас привели в этот когда-то величественный храм. В главном нефе заключенных после изнурительной работы часто выстраивали на переключки, которые приходилось ждать по два часа. У кого не было обуви, тот замерзал, поскольку мороз был 15 – 35 градусов, да еще и ветер. Боковые нефы служили бедным жертвам жилищем. В каждом нефе было по три перегородки – получилось три огромных зала, в каждом жили по двести-триста человек. Нары были сделаны в три ряда, и заключённые, располагавшиеся внизу, должны были терпеть спуск и подъём спавших наверху. При этом верхние «теряли» миллионы насекомых. Казалось, человек здесь приговорён к съедению насекомыми... В таких условиях мы жили с о. Ашебергом из Одессы (он уже умер) и о. Франциском Троцким два месяца, после чего все священники, и я в том числе, были вывезены за тридцать километров, на остров Анзер. До него мы плыли морем километров восемь, а потом ещё столько же по суше, на так называемую командировку «Троицкая». На ней мы были до конца, то есть три с половиной года. Здесь было еще хуже, чем на главных Соловках. В одной комнате (на четверых) жило

двадцать пять заключенных. Количество насекомых не поддается учету. В комнате не было печи, а барак стоял на леднике.

На Соловках у каждого человека была своя категория. После прибытия на означенный пункт, заключённого осматривала врачебная комиссия и определяла состояние его здоровья. Большинство узников, получивших первую категорию, должны были выполнять план работы на 100 %, вторая категория – на 60 %, третья – на 40 %. Работа была разная: копать рвы, осушать болота, рубить деревья в лесу, вытаскивать из моря сплавленный лес и т. п. В последнее время мы, священники, вылавливали деревья из моря. Нужно было поднимать на берег, высокий и каменистый, бревна длиной от девяти до пятнадцати метров и толщиной от пятидесяти сантиметров до метра.

Заключенные первой категории должны были за день вытащить на берег по десять брёвен. Неважно, что такое бревно могли тащить не меньше шести человек, это значило, что вместе они должны вытащить за день шестьдесят бревен. Потом деревья нужно было очистить и опалить. Первая категория должна была обработать три метра в день (шесть – на двоих), чтобы бревно стало ровным как свеча. После этого каждый заключенный отвозил свои метры в санках на два километра от берега. Дорога неровная, гористая, о лошадях и речи не было, тянули сами. Так работали первые три категории. А что делали инвалиды? Им не давали отдыхать, они работали возле дома, с той разницей, что без вознаграждения.

Мы получали фунт хлеба на каждого, четыреста грамм каши и столько же рыбы, капусты или картошки – для восьми человек на весь день. Этой порции было достаточно, чтобы не умереть с голоду в ближайшее время, чтобы мучения продолжались долго.

Если заключенный инвалид не мог работать из-за недостатка сил или отсутствия одежды, его раздевали догола и сажали в клетку под лестницей, открытую холоду и всем ветрам, держали там часа три-четыре при морозе до 20-30 градусов. Сначала оттуда слышались ужасные крики и проклятия, потом обращения к Господу Богу, как последнему помощнику, потом – тишина. Молчание вызывало интерес инквизитора, он осторожно заглядывал в клетку, и если несчастная жертва была жива, ее переносили в помещение, потом везли в больницу – только за тем, чтобы написать, что такой-то умер в больнице из-за болезни. Из священников только один, Потапий Емельянов, был в этой клетке два раза и остался жив.

После таких издевательств узники часто покидали этот свет, не сказав последнего «прощай». Начальники были этим очень недовольны, они заставляли каждого несчастного умершего валяться по углам ещё пару дней, а потом получали награду за «заботу». В общем, узник не мог умереть где пришлось и когда пришлось. Умереть можно было только в больнице. И неважно, что в больнице не было фельдшера, больной заключённый обязан был пройти пять километров до амбулатории, где его осматривал «представитель медицины» (часто без образования) и отсылал ещё за пять километров – в больницу, где уже можно было умереть и быть похороненным, даже если тело не остыло. Те, кто выпадал из общего правила и умирал в неполюженном месте, «проходили» те же формальности, что и живые.

Сначала мертвеца везли на «осмотр к доктору», потом клали в больницу на лечение как живого, а через пару дней отправляли по документам туда, откуда не возвращаются.

При нас было два удивительных случая. Бедный заключённый, больной и измученный, упал в обморок. Санитары перенесли его в мертвецкую, где больной пришёл в себя от холода и вернулся в больницу. Увидев его, «гробовщики» сказали, что раз он умер, то не имеет права находиться здесь, потому что уже вычеркнут из списков живых, и если больной собирается жить, то отвечать будет доктор.

И второй сходный случай. Больничный порядок был таков, что больных каждый вечер пересчитывали. Однажды больной, чей номер выкрикнули два раза, промолчал. Его тут же сочли умершим, а он просто заснул от слабости. Спустя какое-то время он проснулся и попросил еды. Ему ответили, что его записали в умершие, значит, порции для него нет,

теперь он обязан умереть, чтобы у начальства не было неприятностей. И таких случаев было много. Всего за пару месяцев умерли 1800 душ, при том, что на острове насчитывалось 7000 человек. Цифры эти говорят сами за себя. Заключение, у которых было немного денег или хорошей одежды, должны были расстаться с жизнью. В конце 1929 – начале 1930 года за четыре месяца в лагере умерло 28000 человек, в том числе три моих друга.

Видимо в Европе стали об этом слишком много писать и чтобы всех успокоить, назначили комиссию, которая должна была найти виновных. «Защитники человечества» их нашли, жаль только, что те, кто был причиной стольких жертв, здравствуют и по сей день. Когда комиссия завершила работу, нам зачитали фамилии виновных и вынесенный им приговор. В один день было расстреляно девяносто шесть невинных – ведь нужно же было избавиться от тех, кто мог сказать правду?!

Возвращение

12 июля 1932 года я был ещё на «Троицкой», туда в девять утра приехала петербургская комиссия из четырех человек. Нас обыскали, а потом сказали, что наша ссылка закончена. Четырёх священников: Новицкого, Буяльского, Хомича и Шавдзиниса под усиленной охраной отправили на главные Соловки, пригрозив, что возбудят новое дело и расстреляют в самое ближайшее время.

Было нас тридцать два священника и то, что произошло, оставило тягостное впечатление – смерти мы не боялись, были к ней готовы, но умирать всем вместе было бы легче. Примерно в полдень забрали еще двенадцать человек, и никто не знал, куда и зачем. Мы, оставшиеся, приготовились к переменам – ждали чего-то страшного и думали, что в Европе что-то происходит – наверно, обострилась обстановка. Работать мы уже не могли, только делились предположениями о том, что нас перевезут в другое место.

В два часа ночи нас разбудили и велели выйти с вещами. Повозки уже были готовы, но куда мы едем, никто не знал. Люди перешептывались, что первую партию ждали неприятности, поскольку их повезли со спецконвоем. Понять мы не могли ничего. Приехали на главные Соловки, а оттуда – в так называемый «изолятор». Нас изолировали под усиленной охраной ГПУ, и начались допросы. Допрашивали по отдельности.

Допросы шли целую неделю, потом по одному-два заключённых отсылали на разные острова. Мы с о. Сивицким попали на остров Большая Муксалма, где мы выполняли самые разные работы. 16 августа в два часа ночи меня разбудил конвойный и велел в течение минуты собрать вещи и подготовиться к отправке. Это было для меня неожиданностью. Проехав два километра, мы встретил о. Сивицкого, он тоже был с вещами и ждал нашу подводу. Когда мы приехали на Соловки, нас отправили на сборный пункт, где нас не приняли, и после долгих совещаний погнали на другой пункт. Там нас пересчитали, спустя пару минут привели ещё о. Стысло, о. Троцкого, и потом о. прелата Пржирембея, доктора и ещё двоих. Разговаривать нам не разрешили, погрузили на судно, и так мы добрались до Кеми.

На станции, уже в час ночи, нас поместили в тюрьму, где обычно расстреливали людей. После переключки затолкали в крохотное помещение с двухъярусными нарами, а утром снова пересчитали, выдали хорошую одежду и возвратили наши вещи.

В два часа дня мы отправились на железнодорожную станцию. По дороге, прямо из моих рук, следователь забрал совсем новое, хорошо сшитое пальто. На мой протест он ответил, что вернет пальто, как только обыщет. Было ясно, что пальто я больше не увижу. На станции Кемь нас посадили в вагон, и мы беспрепятственно прибыли на станцию Званки, где должны были ждать восемь-десять часов.

Со станции нас проводили до конца запасных путей, на место, огороженное высоким забором с колючей проволокой, где стояли три товарных вагона с зарешеченными окнами, в

которых нас закрыли под охраной ГПУ. Мы знали, что тут расстреливают, и потому положившись на Божью защиту, спокойно ждали, что будет дальше. Есть в дороге нам не давали ничего, кроме сухарей, и так мало, что об утолении голода не было и речи.

Начальник, сопровождавший нас, распоряжался всеми нашими деньгами, он был очень вежлив и даже хотел купить нам хлеба и папирос, но нигде ничего не было. От станции Званки мы голодные доехали до Вологды, где поезд, на котором мы должны были ехать, оказался таким переполненным, что опять пришлось ждать с утра до вечера – десять часов. В тюрьму нас уже не повели и мы весь день просидели на перроне под крышей, со всех сторон окруженные охраной.

В Вологде я издали видел своих прихожан, они меня, наверное, не узнали, а может, и представить не могли, что за заключенный здесь находится. Я пожалел их, ведь было воскресенье, я мог бы служить Мессе, но и подумать об этом было нельзя. Мои бедные прихожане бродили, как заблудившиеся овцы. Я видел пару детей, которых готовил к первому Причастию и никудышного приходского эконома... Сердце замирало от боли, от воспоминаний о том, как эти бедные люди несли последние гроши на налоги или на ремонт храма. А сегодня они, осиротевшие и лишенные опеки, влачат жизнь, полную тревог, и не знают, что с ними будет дальше.

Наконец-то услышали мы паровозный свисток, прибыл поезд, на котором мы должны были ехать дальше. Но куда, что с нами будет, когда мы узнаем правду? Снова нас чуть не оставили на перроне из-за нехватки мест, но начальник запросил ГПУ в Москве и в Петербурге, и там велели подать нам арестантский вагон. Было нас по девятую в каждом купе, все с пожитками. Ехали мы в Рыбинск. Я думал, как удивителен промысел Божий! Позволено мне, может быть, в последний раз в жизни, проехать по моим приходам. Сердце ныло от боли, что оставляю бедных прихожан навсегда, и рука невольно тянулась благословить тех, среди которых столько пережито!

Из Вологды до Ярославля ехали без остановок. В Ярославль приехали в четыре часа утра. По прибытии в тюрьму нас снова тщательно обыскали и развели по отдельности.

Подошла и наша очередь – меня с о. Стысло поместили в одну камеру, где уже находилось девять человек. С ними мы быстро нашли общий язык и были рады тому, что все оказались поляками, в их числе и о. Марьян Соколовский, бывший, видимо, главным среди них, поскольку все выказывали ему уважение.

Потом нас угостили чем могли, хотя и сами были не очень сыты, а после еды мы стали обмениваться мыслями – решили, что нас везут если не на расстрел, то скорей всего в другой лагерь, на голодную смерть. Но о. Соколовский сказал, что мы, вероятно, предназначены для обмена, иначе нас не собрали бы всех вместе. И добавил, что пару дней назад в тюрьме была г-жа Пешкова, и она сказала, что, якобы, 15 сентября мы должны перейти советско-польскую границу. Это было так неожиданно, что поверить было очень трудно. Спустя два дня нас по отдельности вызвали в тюремную канцелярию, где г-жа Пешкова в присутствии сотрудников ГПУ сообщила, что 15 сентября в пять часов вечера мы должны перейти советскую границу.

Только теперь мы начали верить, что освобождение возможно. Но отступила ли смерть? Для большевиков нет ничего святого. Мы видели тысячи примеров, когда людей расстреливали за час до освобождения. Перед моими глазами всегда стоял следователь, который уверял меня, что я никогда не увижу родины, и если не буду расстрелян, то все равно погибну в Советах.

В Ярославской тюрьме было несравненно лучше, чем на Соловках. Нас не водили на работы, и жить с надеждой было намного легче. В Ярославле мы прожили двенадцать дней.

14 сентября мы уехали. Нас отвезли на станцию в грузовой машине. Священников – восемнадцать, мирян – двадцать два. Выехали в три часа дня, в Москву прибыли в десять вечера. Наш вагон сразу поставили на запасной путь – между товарными поездами, чтобы ни

у кого не было к нам доступа. Потом, перед отъездом, наш вагон на несколько минут остановился у перрона, прежде чем начальник ГПУ объявил, что мы отъезжаем.

Сквозь закрытые окна мы увидели рядом с начальником ГПУ первого советника нашего посольства графа Понинского. У него хватило времени сказать нам пару сердечных дружеских слов, о чем свидетельствовали слезы, текущие по его лицу. Ещё он успел сказать, что ждал нас давно, только ГПУ не пускало его, что передачу для нас оставили «опекунам» – мы получили ее после отъезда. В четыре часа утра мы были уже в Минске, но и тут нас запихнули в тупик до самого отъезда. Польское представительство в Минске тоже нас искало, но ГПУ отвечало, что не знает, куда поставили наш вагон. Провизию, которую нам прислали, велено было на всякий случай оставить – если вагон найдется, то нам её передадут.

Наши приезжали на станцию трижды, и каждый раз большевики говорили, что нас нет, а потом сказали, что мы уже поехали.

На станцию Колосово поезд пришел в пять часов вечера. Нас высадили и проводили в зал ожидания вокзала, где мы сидели до прибытия поезда из Польши, на котором должны были приехать сорок три коммуниста, предназначенных для обмена.

Около шести часов вечера пришел поезд из Барановичей, и после пересчёта прибывших коммунистов было дано разрешение перейти границу. Мы взяли свои пожитки и двинулись вперед под строгим контролем. У пограничного столба нас задержали, пока с той стороны не подошли коммунисты. Тогда нам объяснили, как переходить границу. Советник нашего министерства г-н Куликовский со слезами в голосе крикнул: «За мной!» И мы двинулись, плача от радости, на нашу землю, где нас встретили военные, полиция, представители общественности. Начались взаимные приветствия.

Многие из нас не знали возрожденной Польши – я не был на родине двадцать два года. Всё, что я видел, даже обычные военные и полицейские, наполняло сердце радостью. Короткие приветствия на станции, чай, а ужинать мы поехали в Столбцы, где нас ожидало множество людей – тоже представители общественности и родные возвратившихся узников. Меня ждал брат, о чём я уже знал от г-жи Пешковой, и прихожане из Иркутска, супруги Лахович.

Были мгновения, когда я не осознавал, что свободен и постоянно оглядывался, не подслушивает ли кто, боялся, что пройдет минута и сон сменится страшной действительностью – каторгой и мучениями заключённого.

На станции в Столбцах нас проводили в зал, где опять начались приветствия, сердечные и искренние – на этот раз военных. Обращался к нам генерал Крок-Пашковский. Еду нам приготовили просто королевскую. Мы должны были в тот же день ехать в Барановичи, но получилось иначе, и мы переночевали на станции, в вагонах. Это была первая ночь за много лет, которую я провел по-человечески: в чистоте, тепле и безопасности. Утром, в восемь часов мы отправились в Барановичи, где нас ждали беседы с епископом Букрабой.

Со станции мы поехали в баню, а оттуда после окончания карантина разъехались каждый в свою сторону.

Священник И. Юзвик.

Служение о. Иосифа в Польше

Поначалу о. Генрих отвез о. Иосифа в свой приход в Лонкошине, неподалеку от Кутно. Понадобилось время, чтобы он смог прийти в себя и поправить здоровье. Когда о. Иосиф набрался сил, он решил поехать в родные места – поездом из Кутно до Рогово, а оттуда напрямик до Бялынина, где было его семейное гнездо.

Воскресным утром люди шли на Мессу. О. Иосиф вошел в храм через главные ворота, помолился перед Пресвятыми Дарами, а потом стал радостно всех приветствовать. Люди толпились, стараясь приблизиться к нему, чтобы поцеловать его руки. Вечером, уже в

Подбуре, в родительском доме, собралось множество людей. Все хотели посмотреть на о. Иосифа, которого не видели столько лет, хотя кто-то уже и забыл его. Людей старшего возраста священник вспоминал с легкостью, а молодых и детей спрашивал, из какой они семьи и где живут.

О. Иосиф не был в Бялынине много лет. Родители его, а также брат, о. Анджей, и сестра Мария уже умерли. В приходе тоже всё изменилось. Настоятелем в то время был о. Ришард Пациорковский. Старой деревянной церкви, куда о. Иосиф ходил в детстве, уже не было. Её разобрали в 1908 году, а на её месте в 1908-1910 годах построили новую, каменную, в романо-готическом стиле, с красивой башней и прекрасными витражами. Строителем храма был настоятель о. Сильвестр Галецкий, архитектором Ярослав Войцеховский из Варшавы. О. Яроминский, следующий настоятель, выстроил в 1913-1914 годах красивую каменную ограду и обнёс кладбище ажурной решёткой.

Это поразило о. Иосифа. Он увидел всё в ином свете, наполненное радостью. В этих местах он, наконец, почувствовал себя свободным, окружённым любовью родных, в оазисе тишины и покоя. Вскоре о. Иосиф пошел помолиться на могилу своих родных – здесь, среди них, он пожелал покоиться после своей смерти.

В Лонкошине о. Иосиф побывал еще в нескольких местах. От прихожан он получил в дар литургическую чашу, которую после войны передал приходу в Бялынине. (Позже чаша эта вместе с другими церковными принадлежностями была украдена из церкви).

По низу чаши был выгравирован текст: *«О. Иосиф Юзвик, родился в 1874 г. в деревне Бялынин. Рукоположен в Петербурге. Викарий в Дарёве, префект в Иркутске, настоятель в Костроме, утешитель ссыльных в Сибири и Якутии. После большевистского переворота единственный священник в Костроме, Ярославле, Туле, Вологде, Архангельске... Узник царского режима, с 1928 г., при большевиках, был каторжанином на Соловках. Обменен польским правительством, вернулся на родину 15.09.1932 г. Сломлено тело, но не сломлен дух. Слава тебе, великий борец, священник, патриот, о. Иосиф, мученик большевизма за веру и Отчизну!»* (год рождения указан ошибочно, о. Иосиф родился в 1873 году).

После нескольких месяцев, проведённых у о. Генриха в Лонкошине, о. Иосиф возобновил свою работу в Варшавской архиепархии. С января 1933 до августа 1939 года он был капелланом и катехизатором в Гузове, в приходе Вискитки неподалеку от Жирардова, в имении Собанских, где постепенно восстанавливал физическое и психическое здоровье. Пережил о. Иосиф много и его часто мучили кошмарные сны о жизни на Соловках, он вскакивал ночью с постели или громко кричал во сне.

Супруги Собанские с любовью ухаживали за ним, он выздоровел и прожил в их имении семь спокойных лет. Из переписки между о. Генрихом, о. Иосифом и графом Михаилом Собанским мы узнаем, каковы были обязанности капеллана.

Вот отрывок из письма графа к о. Иосифу:

«Дорогой отец! Спешу ответить на Ваше письмо от 31 декабря и поблагодарить за радость, которую оно доставило. С хорошей вести начинается для Гузова 1933 год, поскольку надежда получить постоянного священника – радость не только для нашей семьи, но для всей округи, которая за российское время привыкла к постоянной духовной опеке, но в возрожденной Польше была лишена этого утешения.

С огромной радостью прочитал в Вашем письме, дорогой отец, слова: «О как устроили бы меня требования этой работы». Это смирение, отличающее настоящего слугу Божьего, рождает во мне предчувствие, что наше взаимопонимание обещает Гузову и его обитателям большое утешение и духовную помощь. Но у меня есть также и беспокойство – принесет ли работа у нас и с нами, Вам, дорогой отец, удовлетворение?

Трудности могут быть не только духовные, но и материальные. Последних коснусь в общих чертах. Наше положение в настоящее время весьма трудное, можно сказать,

угрожающее. Я не отважился бы принять на себя новые обязательства, не стал бы подвергать Вас опасности и настаивать на принятии должности, возможно, не отвечающей Вашим заслугам и способностям. Но в мои намерения входит поиск Божьей помощи и защиты для Гузова и его жителей, ведь мы можем уповать на помощь Божию, потому что речь идет о Его славе.

С большим нетерпением ждем от Вас дальнейших известий. Было бы удобно, чтобы Вы сначала приехали в Гузов – познакомиться и обговорить все дела.

Буду весьма благодарен, если Вы, отец, разберетесь с расписанием поездов и сообщите нам, когда приедете, чтобы мы могли прислать за Вами лошадей.

В ожидании ответа остаюсь с глубоким уважением,

Михаил Собанский

P.S. Получили очень доброе письмо от Вашего брата, на которое уже ответили».

Свои воспоминания об о. Иосифе прислала мне в августе 2005 года и г-жа София Левандовская из Гузова, которая в те времена ходила в начальную школу.

« Было это в 1933 году. В школе все пришли в большое волнение – нас должен был навестить о. Юзвик, который приехал в Гузов и стал служить в нашей часовне. Школа его торжественно приветствовала, дети читали стихи и пели песни.

Жил священник в дворцовой пристройке, в трёх комнатах. В одной из них раз в неделю собиралась молодёжь и старшие дети, которых опекала г-жа Мария, двоюродная сестра графа. Она учила нас вязать крючком и всякому другому рукоделию. Пока мы работали, г-жа Мария читала нам разные книжки, например «Аню из Зеленых Мезонинов». Приходил к нам и о. Иосиф, интересовался нашими успехами в учебе. После занятий в начальной школе о. Иосиф вел у нас уроки религии. Работы у него было очень много, но ему помогала г-жа Чулковская, она вела пение, и г-жа Янина Вишневская вместе с г-жой Войцеховской, которая руководила начальной школой. Еще они занимались с детьми, которые разбрасывали цветы во время процессий.

Репетиции процессий были в дворцовом парке, и тогда к нам приходила старая графиня. В первое воскресенье месяца была процессия вокруг имения, мы шли впереди и разбрасывали цветы. Еще священник организовал у нас кружок Розария для детей и взрослых.

Священник бывал везде, интересовался, как совершаются майские богослужения у статуи Божьей Матери, которая стояла в парке рядом с крестом, напротив могилы неизвестного солдата.

В школу о. Иосиф приходил часто. Молодёжь и дети любили его, хотя он был очень требовательным. В школе мы часто пели патриотические песни и читали стихи, которые о. Юзвик любил слушать. Гузов прожил с о. Юзвиком несколько прекрасных лет».

Кроме того, о. Иосиф очень любил ездить в родной Бялынин и пользовался любой возможностью, чтобы побывать у своих. Он садился на поезд в Жирардове, доезжал до Рогово, потом узкоколейкой до Бялынина, и оттуда пешком через поля – к родному дому. По дороге он угощал конфетами детей, от чего они были в восторге. Он любил деревню, любил работать на земле.

О. Иосиф всегда был радостен, полон оптимизма и жизнелюбия, с его лица не сходила улыбка. Однажды Ядвига Юзвик, его двоюродная сестра, спросила, откуда у него такой оптимизм и сила духа? В чем источник этой неугасимой внутренней радости? После минутного размышления о. Иосиф ответил: «В чистой совести!»

Несмотря на то, что о. Иосиф был уже в Польше, родной стране, на свободе, он не чувствовал себя в безопасности и жил в неуверенности.

В 1937 году, когда в СССР массово арестовывали поляков, ГПУ объявило о пресечении деятельности так называемой «польской контрреволюционной антисоветской

националистической организации» и объявило, что к ней принадлежат бывшие прихожане о. Иосифа в Ярославле, Рыбинске и Костроме, что якобы он ещё давно их завербовал, и потому сейчас был заочно осужден «за руководство этой организацией». Большинство арестованных, двадцать три человека, были расстреляны. Позже, в 1957 году, их реабилитировали по решению Московского военного суда.

Всю войну, с 1 сентября 1939, о. Иосиф служил капелланом больницы Младенца Иисуса в Варшаве. Во время немецкой оккупации здесь укрывали партизан и помогали евреям – из-за этого больные и персонал пережили ад, когда немцы впустили на территорию больницы украинских националистов, а сами вышли за ворота.

Больница понесла огромные потери во время боевых действий, были уничтожены корпуса и оборудование, но о. Иосиф оставался капелланом больницы всю войну, и когда было Варшавское восстание, и вплоть до своей смерти в 1948 году.

Можно представить, что он переживал, глядя на кошмары войны, на страдания людей, на разрушенную больницу. Он не раз подвергал свою жизнь опасности, неся духовную помощь раненым солдатам. Сохранилась пуля с приплюснутым концом, которая чуть не попала в о. Иосифа, когда он спешил к раненым – под обстрелом он перешёл улицу Халубинского, и в то время, как он преподавал Святые Тайны, в его сторону выстрелили. К счастью, выстрел был не прицельный, пуля угодила в стену и, отскочив, ударила о. Иосифа, не причинив ему большого вреда.

В другой раз немцы вели на расстрел мужчину, который, увидев священника, взмолился об исповеди, и ему дали такую возможность. Потом оказалось, что это Павел Ярецкий из Бялынина, солдат Армии Крайовой. О. Иосиф стал просить о том, чтобы ему сохранили жизнь. Просьбу его удовлетворили, но отправили Ярецкого на работу в Германию – после войны он вернулся в Польшу и умер во Вроцлаве.

Когда я разговаривал с о. Леонардом Островским, профессором Варшавской семинарии, который во время войны был капелланом в больнице вместе с о. Иосифом, он сказал: «О. Иосиф – святой человек, добрейший, сердечный, покладистый, он всегда улыбался, его очень любили и уважали и больные, и персонал, он был хорошим исповедником, все шли к нему, а не к молодым священникам. Он же был и исповедником о. Вацлава Маевского, будущего епископа-суфрагана Варшавского».

Под конец жизни у о. Иосифа начались боли в груди, которые все время усиливались. После обследования стало ясно, что нужна операция. Оперировал его профессор Буткевич. О. Иосиф боялся этого доктора, не хотел, чтобы он его оперировал, поскольку его больные после операции часто умирали, и о. Иосиф об этом знал. Но обстоятельства сложились так, что другого доктора не было, а к операции всё было готово, и ждать уже было нельзя. О. Иосиф согласился, но операция прошла неудачно и о. Иосиф прожил после нее недолго. Его перевезли к о. Генриху в Новы-Двур-Мазовецки и там он прожил оставшиеся ему дни.

Хозяйка, г-жа Юзефа Махниковская рассказывала, что в последнюю ночь, когда все были рядом с ним и молились, о. Иосиф то и дело звал свою мать. Замолкал, потом просыпался и снова звал: «Мама! Мамочка!» Было уже семь утра, когда он очнулся, как бы от глубокого сна, глаза его широко раскрылись и спустя некоторое время замерли на одной точке, словно увидели кого-то. Лицо разгладилось, он улыбнулся, уста приоткрылись, как будто он хотел еще раз прошептать: «мама!» – и так заснул навеки. Все, кто были рядом, уверены, что он видел свою любимую мать, о которой столько лет тосковал.

Было это 24 августа 1948 года в семь утра, в день, когда Церковь вспоминает св. апостола Варфоломея. О. Иосифу было семьдесят пять лет, тридцать семь из них он служил как священник – двадцать два года в России, и последние пятнадцать лет в Польше.

Похороны, согласно воле покойного, состоялись в Бялыinine 27 августа. После Св. Мессы, отслуженной в Новы-Двур-Мазовецки, а потом в часовне больницы Младенца Иисуса, дубовый гроб с телом на грузовике перевезли в Бялынин. В родном доме в Подбуре

гроб открыли, чтобы семья и земляки могли проститься с покойным. К большому удивлению всех, тело выглядело так, словно его только что положили в гроб, не было заметно никаких изменений. На похоронах было множество священников и мирян из Бялынина и ближайших приходов, из Гузова, Кутно, Новы-Двур-Мазовецки и Варшавы. Всем хотелось почтить нестигаемого проповедника веры и мученика, который служил с таким рвением, принося утешение и надежду полякам в России – даже до Сибири.

О. Генрих сначала не хотел, чтобы похороны были в Бялынине, но потом согласился, увидев, сколько пришло людей. Когда закончилось отпевание, гроб с телом перенесли на кладбище и похоронили рядом с родителями.

Так закончилось священническое служение о. Иосифа на обширной ниве Господней. Жизнь его была прекрасна, плодотворна, отмечена страданиями, которые он переносил достойно. Эта жизнь прежде всего была свидетельством великой веры и упования на Бога. И мы помним его, гордимся и благодарим...

Жизнеописание о. И. Юзвика составил о. Анджей В. Каминский, настоятель прихода в Халинуве, внук сестры о. Иосифа, Антонины, и её мужа Франциска Грухала, на основании семейных воспоминаний и исторических изысканий – благодаря помощи проф. Люблинского Католического университета о. Романа Дзвонковского SAC и по следующим книгам:

«Losy duchowienstwa katolickiego w ZSSR, 1917 - 1939. Martyrologium», Lublin, 1998. (Судьбы католического духовенства в СССР в 1917 - 39 гг. История мученичества. *На рус. яз. не переведена*);

«Skazani jako "Szpiedzy Watykanu"». Z historii Kościoła katolickiego w ZSRR 1918-1956», Ząbki, 1998. («Осуждены как «шпионы Ватикана» – сб. статей, по истории Католической Церкви в СССР в период с 1918 по 1956 гг. Под ред. о. Р. Дзвонковского. Темы некоторых статей: католики - заключенные на Соловках. *На рус. яз. не переведена*);

«Z historii Kościoła katolickiego w ZSRR 1917-1991, Warszawa Ząbki, 2005. (Из истории Католической Церкви в СССР 1917-1991. *На рус. яз. не переведена*).

"Bez sądu, świadków i prawa...": Listy z więzień, łagrów i zesłania do Delegatury PCK w Moskwie, 1924-1937», Lublin, 2002. (В сб. «Без суда, свидетелей и закона» под ред. о. Р. Дзвонковского опубликовано свыше 500 документов: письма католических священников, находившихся в заключении в СССР, их родных, знакомых и друзей, ответы на эти письма Бюро ПКК, служебная переписка. Переписка отдельных лиц, как правило, сопровождается краткими биографиями. *На рус. яз. не переведена*).

Некоторые исторические факты взяты из документального фильма В. Карвата «Академия преступлений», о Соловецких лагерях, 1994.

Кроме того, использованы: биография о. И. Юзвика, которую по воспоминаниям проф. о. Л. Островского написал автор этих строк, свидетельство о похоронах о. Иосифа, присланное в Варшавскую курию о. Г. Юзвиком, книга регистрации крещений прихода в Бялынине, записи бесед: с проф. о. Л. Островским, Ф. Юзвиком и его сыном С. Юзвиком, С. Юзвик-Порчик; и воспоминания: матери автора С. Каминской и его сестры Ю. Ярецкой.

Перевод: С. Баранова

Редактор: А. Годинер